

rocketbook

ЧАРЛЬЗ БУКОВСКИ

Женщины

Чарльз Буковски

Женщины

«ЭКСМО»

1978

УДК 82(1-87)
ББК 84(7США)

Буковски Ч.

Женщины / Ч. Буковски — «Эксмо», 1978

ISBN 978-5-699-37887-6

Чарльз Буковски — один из крупнейших американских писателей XX века, автор более сорока книг, среди которых романы, стихи, эссеистика и рассказы. Несмотря на порою шокирующий натурализм, его тексты полны лиричности, даже своеобразной сентиментальности. Роман «Женщины» написан им на волне популярности и содержит массу фирменных «фишек» Буковски: самоиронию, обилие сексуальных сцен, энергию сюжета. Герою книги 50 лет, его зовут Генри Чинаски, и он является неизменным альтер эго автора. Роман представляет собой череду более чем откровенных сексуальных сцен, которые объединены главным — бесконечной любовью героя к своим женщинам, любованием ими и грубовато-искренним восхищением.

УДК 82(1-87)
ББК 84(7США)

ISBN 978-5-699-37887-6

© Буковски Ч., 1978
© Эксмо, 1978

Содержание

1	6
2	9
3	11
4	13
5	16
6	18
7	20
8	23
9	27
10	29
11	30
12	33
13	35
14	36
15	37
16	39
17	41
18	43
19	46
20	51
21	54
22	56
23	58
24	60
25	61
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Чарльз Буковски

Женщины

Charles Bukowski. Women

Copyright © 1978 by Charles Bukowski

© М. Немцов, перевод с английского, 2009

© ООО «Издательство «Эксмо», издание на русском языке, оформление, 2011

Благодарности

Благодарность выражается редакторам антологии «Огни большого города № 4», «Интенсива первого лица», «Хастлера» и «Рогнерз мэгэзин», где первоначально публиковались некоторые главы отсюда.

Сколько хороших мужиков оказалось под мостом из-за бабы.

Генри Чинаски

Этот роман – художественное произведение, и ни один персонаж не призван намеренно изображать реальное лицо или сочетание реальных лиц, живых или же мертвых.

1

Мне уже стукнуло 50, и в постели с женщиной я не был четыре года. Друзей-женщин у меня не водилось. Я смотрел на женщин всякий раз, когда проходил мимо на улицах или еще где, но смотрел без желанья и сознавая тщетность. Дрочил я регулярно, но сама мысль завести отношения с женщиной – даже на несексуальной основе – была выше моего воображения. У меня имелась дочь 6 лет, внебрачная. Она жила с матерью, а я платил алименты. Я был женат много лет назад, когда мне исполнилось 35. Тот брак длился два с половиной года. Моя жена со мною разошлась. Влюблен я был всего один раз. Она умерла от острого алкоголизма. Умерла в 48, а мне было 38. Жена была на 12 лет моложе меня. Я полагаю, сейчас и она уже умерла, хотя не уверен. 6 лет после развода она писала мне длинные письма к каждому Рождеству. Я ни разу не ответил...

В точности не помню, когда впервые увидел Лидию Вэнс. Лет 6 назад, наверное, я только-только бросил службу на почте, где просидел двенадцать лет, и пытался стать писателем. Я был в ужасе и пил больше обычного. Пробовал писать первый роман. Каждую ночь за работой я выпивал пинту виски и две полдюжины пива. Курил дешевые сигары, печатал, пил и до зари слушал классическую музыку по радио. Я поставил себе целью десять страниц в ночь, но всегда только на следующий день узнавал, сколько написал на самом деле. Обычно я поднимался утром, блевал, потом выходил в переднюю комнату и смотрел на тахту – сколько страниц. Свою десятку я всегда превышал. Иногда там лежало 17, 18, 23, 25 страниц. Конечно, работу каждой ночи нужно было либо чистить, либо выбрасывать. На первый роман у меня ушла двадцать одна ночь.

Хозяева двора, где я тогда обитал, сами жившие на задворках, считали меня полоумным. Каждое утро, когда я просыпался, на крыльце у меня стоял большой коричневый бумажный пакет. Содержимое менялось, но обычно внутри лежали помидоры, зеленый лук, редис, апельсины, банки супа, красный лук. Довольно часто по ночам я пил с хозяевами пиво, часов до 4–5 утра. Старик отрубался, а старуха и я держались за руки, и я ее иногда целовал. В дверях всегда припечатывал ей по-настоящему. Она была ужасно морщиниста, но что ж тут поделаешь. Она была католичкой и выглядела очень славно, когда надевала розовую шляпку и воскресным утром отправлялась в церковь.

Я думаю, что познакомился с Лидией Вэнс на своем первом поэтическом чтении. Оно проходило в книжном магазине на Кенмор-авеню – в «Подъемном мосту». Опять-таки, я был в ужасе. Надменен, но в ужасе. Когда я вошел, оставались только стоячие места. Перед Питером, заправлявшим лавочкой и жившим с черной девчонкой, лежала куча налички.

– Вот говно же, – сказал он мне, – если б я всегда мог так их сюда напихивать, мне б еще раз на Индию хватило.

Я вошел, и они заплодировали. В смысле поэтических чтений мне предстояло порвать себе целку.

Я читал 30 минут, потом попросил перерыв. Я еще был трезв и чувствовал, как на меня из темноты пристально смотрят глаза. Подошли поговорить несколько человек. Затем во время затишья подошла Лидия Вэнс. Я сидел за столом и пил пиво. Она возложила обе руки на край, нагнулась и посмотрела на меня. У нее были длинные каштановые волосы – приличной длины, – выдающийся нос, а один глаз не совсем сочетался с другим. Но от нее исходила жизненная сила – от такой не отмахнешься. Я чувствовал, как между нами побежали вибрации. Некоторые – замороженные и нехорошие, но все равно они были. Она посмотрела на меня, я

посмотрел на нее. На Лидии Вэнс была замшевая ковбойская куртка с бахромой на вороте. Грудь у нее ничего. Я сказал ей:

– Мне бы хотелось содрать с вашей куртки бахрому – с этого мы могли бы начать.

Лидия отошла. Не сработало. Никогда не знаю, что говорить дамам. Ну и корма же у нее. Я наблюдал за этой прекрасной кормой, когда Лидия отходила. Зад джинсов обнимал ее, и я следил за этой женщиной, пока она отчаливала.

Я закончил вторую половину чтений и забыл о Лидии, как забывал обо всех женщинах, которых обгонял на тротуарах. Забрал свои деньги, подписал несколько салфеток, несколько клочков бумаги, потом поехал назад, домой.

Я по-прежнему работал каждую ночь над первым романом. До 6.18 вечера я никогда писать не садился. В это время я отмечался на проходной своего крыла терминала на почтамте. А они заявили в 6 вечера: Питер с Лидией Вэнс. Я открыл дверь. Питер сказал:

– Смотри, Генри, смотри, что я тебе привез!

Лидия прыгнула на кофейный столик. Джинсы сидели на ней еще туже. Она мотала длинными каштановыми волосами из стороны в сторону. Она была безумна; она была дивна. Впервые я задумался, не заняться ли с ней любовью. Она принялась читать стихи. Свои. Это было очень плохо. Питер пытался ее остановить:

– Нет! Нет! Никаких рифм в доме Генри Чинаски!

– Да пусть читает, Питер!

Я хотел поглядеть на ее ягодицы. Она расхаживала взад-вперед по старенькому кофейному столику. Затем пустилась в пляс. Она размахивала руками. Поэзия была ужасна, тело и безумие – отнюдь.

Лидия спрыгнула.

– Как тебе понравилось, Генри?

– Что?

– Поэзия.

– С трудом.

Лидия замерла со своими листиками стихов в руке. Питер ее облапал.

– Давай поебемся, – сказал он ей. – Кончай, давай поебемся!

Она его оттолкнула.

– Ладно, – сказал Питер. – Тогда я уезжаю.

– Ну и вали. У меня своя машина, – ответила Лидия. – Я к себе и сама доберусь.

Питер подбежал к двери, остановился и обернулся:

– Ладно, Чинаски! Не забывай, что я тебе привез!

Он хлопнул дверью и был таков. Лидия присела на тахту, поближе к двери. Я сел примерно в футах и посмотрел на нее. Выглядела она великолепно. Я боялся. Я протянул руку и коснулся ее длинных волос. Они были волшебны. Я отдернул руку.

– И все эти волосы в самом деле твои? – спросил я. Я знал, что так оно и есть.

– Да, – ответила она, – мои.

Я взялся рукой за ее подбородок и очень неумело попробовал повернуть ее голову к себе. Я никогда не уверен в таких случаях. Я слегка ее поцеловал.

Лидия подскочила:

– Мне надо идти. Я плачу няньке.

– Послушай, – сказал я, – останься. Заплачу я. Останься на немного.

– Нет, не могу, – ответила она. – Идти надо.

Она пошла к дверям, я следом. Открыла дверь. Потом обернулась. Я потянулся к ней еще один, последний раз. Она запрокинула голову и выделила мне крохотный поцелуй. Затем

отстранилась и вложила какие-то машинописные листки мне в руку. Дверь закрылась. Я сел на тахту с бумагами в руке и стал слушать, как заводится ее машина.

Стихи были скреплены вместе, откопированы и назывались «ЕЕЕЕЕ». Я прочел несколько. Интересны, полны юмора и чувственности, но плохо написаны. Авторы – сама Лидия и три ее сестры, все вместе – такие задорные, такие храбрые, такие сексуальные. Я отбросил листики и раскупорил пинту виски. Снаружи было темно. Радио играло в основном Моцарта, Брамса и Бе.

2

Через день или около того по почте пришло стихотворение от Лидии. Длинное и началось так:

Выходи, старый тролль,
Выходи из темной норы, старый тролль,
Выходи на солнышко с нами, и
Давай мы вплетем маргаритки тебе в волосы...

Дальше поэма рассказывала мне, как хорошо будет танцевать в полях с нимфообразными женскими существами, которые принесут мне радость и истинное знание. Я убрал письмо в комод.

На следующее утро меня разбудил стук в стеклянную панель входной двери. На часах было 10.30.

– Уходите, – сказал я.

– Это Лидия.

– Ладно. Минутку.

Я надел какие-то штаны, рубашку и открыл дверь. Потом сбегал в ванную и проблевался. Попробовал почистить зубы, но только блеванул еще раз: от сладости зубной пасты вывернуло желудок. Я вышел.

– Ты болеешь, – сказала Лидия. – Мне уйти?

– Да нет, все нормально. Я всегда так просыпаюсь.

Лидия выглядела хорошо. Сквозь шторы просачивался свет и сиял на ней. Она подбрасывала в руке апельсин. Тот вращался в солнечном свете утра.

– Я не могу остаться, – сказала она, – но хочу тебя кое о чем попросить.

– Давай.

– Я скульптор. Я хочу вылепить твою голову.

– Ладно.

– Надо будет прийти ко мне. Студии у меня нет. Придется у меня дома. Ты ведь не будешь из-за этого нервничать, правда?

– Не буду.

Я записал ее адрес и как добраться.

– Постарайся подъехать часам к одиннадцати. После обеда дети из школы приходят, и это отвлекает.

– Буду в одиннадцать, – пообещал я.

Я сидел напротив Лидии в обеденном уголке. Между нами лежал крупный ком глины. Она принялась задавать вопросы.

– Твои родители еще живы?

– Нет.

– Тебе нравится Лос-Анджелес?

– Мой любимый город.

– Почему ты так пишешь о женщинах?

– Как – так?

– Сам знаешь.

– Нет, не знаю.

– Ну, я думаю, жалко, если человек, который пишет так хорошо, просто ни черта не знает о женщинах.

Я ничего не ответил.

– Черт возьми! Куда Лиза девала?... – Она стала шарить по комнате. – Ох мне эти девчонки, вечно убегают с маминым инструментом!

Нашелся другой.

– Приспособим вот этот. Посиди спокойно теперь, расслабься, но не шевелись.

Я сидел к ней лицом. Она работала над комом глины какой-то деревянной штукой с проволочной петлей на конце. Помахала мне ею из-за кома. Я наблюдал. Глаза Лидии смотрели на меня. Большие, темно-карие. Даже ее плохой глаз – тот, что не совсем подходил к другому, – выглядел здорово. Я тоже смотрел на нее. Лидия работала. Шло время. Я был в трансе. Потом она сказала:

– Как насчет прерваться? Пива хочешь?

– Прекрасно. Да.

Когда она двинулась к холодильнику, я пошел следом. Она вытащила бутылку и захлопнула дверцу. Стоило ей повернуться, я схватил ее за талию и притянул к себе. Я прильнул к ней ртом и телом. Бутылку с пивом она держала в вытянутой руке, на отлете.

Я поцеловал Лидию. Потом поцеловал еще раз. Она оттолкнула меня.

– Ладно, – сказала она, – хватит. Работать пора.

Мы снова сели, я допивал пиво, Лидия курила сигарету, а глина лежала между нами. Звякнул дверной звонок. Лидия поднялась. Там стояла толстая тетка с неистовыми, умоляющими глазами.

– Это моя сестра, Глендолина.

– Здравсьте.

Глендолина подтащила стул и заговорила. Говорить она *умела*. Она б говорила, если б даже стала сфинксом, если б даже стала камнем, она бы говорила. Я просто не знал, когда она устанет и уйдет. Даже когда я перестал слушать, похоже было, что меня избивали крохотными шариками от пинг-понга. Глендолина не имела ни представления о времени, ни малейшего понятия о том, что, быть может, помешала нам. Она все говорила и говорила.

– Послушайте, – сказал я наконец, – когда вы уйдете?

И тут начался сестринский спектакль. Они заговорили между собой. Обе стояли, размахивая руками друг у друга перед носом. Голоса набирали пронзительности. Обе грозили друг другу физическими увечьями. Напоследок – когда уже замаячил конец света – Глендолина совершила гигантский изгиб торсом, выбросилась в дверной проем сквозь оглушительный хлопок летней двери и пропала из виду. Но мы по-прежнему слышали ее, заведенную и стенавшую, до самой ее квартиры в глубине двора.

Мы с Лидией вернулись в обеденный уголок и сели. Она взялась за инструмент. Глаза ее заглянули в мои.

3

Однажды утром, несколько дней спустя, я вошел к Лидии во двор, когда сама она появилась из переулочка. Она сидела у своей подружки Тины, жившей в многоквартирном доме на углу. Выглядела она в то утро электрически, почти как в первый раз, когда пришла ко мне с апельсином.

– У-у-у-у, – сказала она, – у тебя новая рубашка!

Так оно и было. Я купил себе рубашку, потому что думал о Лидии, о том, как увижу ее. Я знал, что она это знает и посмеивается надо мной, но не возражал.

Лидия отперла дверь, и мы зашли внутрь. Глина сидела в центре стола в обеденном уголке под влажной тряпкой. Лидия стянула ткань.

– Что скажешь?

Она меня не пощадила. И шрамы были, и нос алкаша, и обезьянья пасть, и сощуренные до щелочек глаза – и тупая довольная ухмылка тоже была на месте, ухмылка счастливица, нелепого: словил удачу и еще не понял, за что. Ей 30, мне – за 50. Наплевать.

– Да, – сказал я, – здорово ты меня. Мне нравится. Но, похоже, ты ее почти закончила. Мне будет тоскливо, когда ты все сделаешь. У нас с тобой было несколько великолепных дней и утр.

– Это помешало твоей работе?

– Нет, я пишу, лишь когда стемнеет. Днем никогда не могу писать.

Лидия взяла свой отделочный инструмент и посмотрела на меня:

– Не волнуйся. Мне еще много. Я хочу, чтобы на этот раз все получилось, как надо.

В первом перерыве она достала из холодильника пинту виски.

– А-а, – сказал я.

– Сколько? – спросила она, подняв высокий стакан для воды.

– Напополам.

Она смешала, и я сразу же выпил.

– Я слыхала о тебе, – сказала она.

– Что, например?

– Как ты скидываешь мужиков со своего парадного крыльца. И бьешь своих женщин.

– Бью своих женщин?

– Да, мне кто-то говорил.

Я схватил Лидию, и мы провалились в самый долгий поцелуй за все это время. Я прижал ее к краю раковины и начал тереться об нее хуем. Она оттолкнула меня, но я снова поймал ее на середине кухни.

Рука Лидии схватила мою и втолкнула ее за пояс джинсов в трусики. Кончиком пальца я нащупал маковку ее пизды. Та была влажной. Продолжая целовать ее, я пробирался пальцем поглубже. Потом вытащил руку, оторвался от нее, дотянулся до пинты и налил еще. Снова сел за кухонный столик, а Лидия обогнула его с другой стороны, тоже села и посмотрела на меня. Затем опять принялась за глину. Я медленно тянул виски.

– Слушай, – сказал я. – Я знаю, в чем твоя трагедия.

– Что?

– Я знаю, в чем твоя трагедия.

– Что ты имеешь в виду?

– Ладно, – ответил я. – Забудь.

– Я хочу знать.

– Я не хочу оскорблять твои чувства.

– Но я хочу знать, что ты мелешь.

– Ладно, если еще нальешь, скажу.

– Хорошо. – Лидия взяла пустой стакан и налила половину виски и половину воды. Я снова все выпил. – Ну? – спросила она.

– Черт, да ты сама знаешь.

– Что знаю?

– У тебя большая пизда. – Что?!

– Это не редкость. У тебя двое детей.

Лидия сидела, молча ковыряя глину. Затем отложила инструмент. Отошла в угол кухни рядом с черным ходом. Я смотрел, как она наклоняется и стаскивает сапоги. Потом стянула джинсы и трусики. Пизда ее была на месте, смотрела прямо на меня.

– Ладно, подонок, – сказала она. – Сейчас я тебе покажу, что ты ошибся.

Я снял ботинки, штаны и трусы, встал на колени на линолеум, а потом опустился на нее, весь вытянулся. Начал целовать. Отвердел я быстро и почувствовал, как проникаю внутрь.

Я начал толчки... один, два, три...

В переднюю дверь постучали. Детский стук – крохотные кулачки, яростные, настойчивые. Лидия быстро спихнула меня.

– Это *Лиза!* Она не ходила сегодня в школу! Она была у... – Лидия вскочила и принялась натягивать одежду. – Одевайся! – приказала она.

Я оделся, как мог, быстро. Лидия подошла к двери – там стояла ее пятилетняя дочь:

– МАМА! МАМА! Я порезала пальчик!

Я забрел в переднюю комнату. Лидия посадила Лизу себе на колени.

– У-у-у-у, дай мамочке посмотреть. У-у-у-у, дай мамочке поцеловать тебе пальчик.

Мамочка сейчас его вылечит!

– МАМА, больно!

Я взглянул на порез. Тот был почти невидим.

– Слушай, – наконец сказал я Лидии, – увидимся завтра.

– Мне жаль, – ответила она.

– Я знаю.

Лиза подняла на меня глаза, слезы всё капали и капали.

– Лиза никому не даст мамочку в *обиду*, – сказала Лидия.

Я открыл дверь, закрыл дверь и пошел к своему «меркурию-комете» 1962 года.

4

В то время я редактировал небольшой журналчик, «Слабительный подход». У меня имелось два соредатора, и мы считали, что печатаем лучших поэтов своего времени. А также кое-кого из иных. Одним редактором был недоразвитый студент-недоучка Кеннет Маллох 6-с-хвостиком футов росту (черный), которого содержала отчасти его мать, а отчасти – сестра. Другим был Сэмми Левинсон (еврей), 27 лет, живший с родителями, которые его и содержали.

Листы уже отпечатали. Теперь предстояло сброшюровать их и скрепить с обложками.

– Ты вот что сделаешь, – сказал Сэмми. – Ты устроишь брошюровочную пьянку. Будешь подавать напитки и немного трепать, а *они* пускай работают.

– Ненавижу пьянки, – сказал я.

– Приглашать буду я, – сказал Сэмми.

– Хорошо, – согласился я и пригласил Лидию.

В вечер пьянки Сэмми приехал с уже сброшюрованным журналом. Он был парнем нервного склада, у него подергивалась голова, и он не мог дождаться, когда же увидит напечатанными собственные стихи. Он сброшюровал «Слабительный подход» сам, а потом приспособил обложки. Кеннета Маллоха нигде не нашли: вероятно, либо он сидел в тюрьме, либо его упекли в дурдом.

Собрался народ. Я знал очень немногих. Я пошел к хозяйке на задний двор. Та открыла мне дверь.

– У меня большая гулянка, миссис О'Киф. Я хочу, чтобы вы с мужем тоже пришли. Много пива, претцелей и чипсов.

– Ох господи, нет!

– В чем дело?

– Я видела, что за люди туда заходят! Такие бороды, и волосы, и тряпье дранозадое! Браслеты, бусы... вылитая банда коммунистов! Как ты только таких людей *терпишь*?

– Я тоже этих людей терпеть не могу, миссис О'Киф. Мы просто пьем пиво и разговариваем. Это ничего не значит.

– За ними глаз да глаз нужен. Они из тех, что трубы воруют.

Она закрыла дверь.

Лидия приехала поздно. Вошла в двери актрисой. Первым делом я заметил на ней большую ковбойскую шляпу с лавандовым перышком, приколотым сбоку. Не сказав мне ни слова, она немедленно под села к молодому продавцу из книжного магазина, увлеченно завязала с ним беседу. Я начал пить по-тяжелой, а из моего разговора несколько испарились энергия и юмор. Продавец был парень ничего, пытался стать писателем. Его звали Рэнди Эванс, но он слишком глубоко влез в Кафку, чтобы добиться хоть какой-то литературной ясности. Мы считали, что лучше его не обижать, а печатать в «Слабительном подходе» – журнал к тому же можно было распространять через его магазин.

Я допил пиво и немного побродил вокруг. Вышел на заднее крыльцо, сел на приступок в переулке и стал смотреть, как большой черный кот пытается проникнуть в мусорный бак. Я подошел. Стоило мне приблизиться, кот спрыгнул с бака. Остановился в 3–4 футах, наблюдая за мной. Я снял с мусорного бака крышку. Вонь поднялась ужасающая. Я срыгнул в бак, уронив крышку на мостовую. Кошак подпрыгнул и всеми четырьмя лапами встал на край бака. Помедлил, а потом, сияя под полумесяцем, нырнул внутрь с головой.

Лидия все еще разговаривала с Рэнди, и я заметил, как под столом одна ее нога касается продавцовой. Я открыл себе еще одно пиво.

Сэмми смешил народ. У меня это получалось немного лучше, когда хотелось рассмешить народ, но в тот вечер я был не в настроении. 15 или 16 мужиков и всего две теткы – Лидия и Эйприл. Эйприл была жирной и сидела на диете. Она растянулась на полу. Примерно через полчаса она поднялась и свалила с Карлом, перегоревшим наспидованным маньяком. Поэтому осталось человек 15–16 мужиков и Лидия. На кухне я нашел пинту скотча, вытащил ее с собой на заднее крыльцо и то и дело прикладывался.

По ходу ночи мужики начали постепенно отваливать. Ушел даже Рэнди Эванс. Остались наконец только Сэмми, Лидия и я. Лидия разговаривала с Сэмми. Сэмми острит. Я даже сумел рассмеяться. Затем он сказал, что ему надо идти.

– Не уходи, пожалуйста, Сэмми, – попросила Лидия.

– Пускай идет парень, – отозвался я.

– Ага, мне пора, – сказал Сэмми.

После его ухода Лидия наехала:

– Все не нужно было его выгонять. Сэмми смешной, Сэмми по-настоящему смешной.

Ты его обидел.

– Но я хочу поговорить с тобой наедине, Лидия.

– Мне нравятся твои друзья. У меня не получается знать столько народу. Мне *нравятся* люди!

– Мне – нет.

– Я знаю, что тебе – нет. *А мне нравятся*. Люди приходят увидеть тебя. Может, если бы они не приходили тебя увидеть, они бы тебе больше нравились.

– Нет, чем меньше я их вижу, тем больше они мне нравятся.

– Ты обидел Сэмми.

– Хрен там, он пошел домой к мамочке.

– Ты ревнуешь, в тебе нет уверенности. Ты думаешь, я хочу лечь в постель с каждым мужчиной, с которым разговариваю.

– Нет, не думаю. Слушай, как насчет немного принять?

Я встал и смешал ей. Лидия зажгла длинную сигарету и отпила из стакана.

– Ты отлично выглядишь в этой шляпе, – сказал я. – Это лиловое перышко – нечто.

– Это шляпа моего отца.

– А он ее не хватится?

– Он умер.

Я перетянул Лидию к тахте и взасос поцеловал. Она рассказала мне об отце. Тот умер и оставил всем 4 сестрам немного денег. Это позволило им встать на ноги, а Лидии – развестись с мужем. Еще она рассказала, как у нее было что-то вроде срыва и она некоторое время провела в психушке. Я поцеловал ее еще.

– Слушай, – сказал я, – давай приляжем. Я устал.

К моему удивлению, она пошла за мной в спальню. Я растянулся на кровати и почувствовал, как она села рядом. Потом закрыл глаза и определил, что она стягивает сапоги. Я услышал, как один сапог ударился о пол, за ним другой. Я начал лежа раздеваться, дотянулся и вырубил верхний свет. Потом разделся еще. Мы поцеловались еще немного.

– У тебя сколько уже не было женщины?

– Четыре года.

– Четыре года?

– Да.

– Я думаю, ты заслужил немного любви, – сказала она. – Мне про тебя сон приснился. Я открыла твою грудь, как шкафчик, там были дверцы, и я их распахнула и увидела, что у тебя внутри много всяких пушистых штук – плюшевых медвежат, крохотных мохнатых зверюшек: такие мягкие, что потискать хочется. А потом мне приснился другой человек. Он

подошел и дал какие-то куски бумаги. Он был писателем. Я эти куски взяла и посмотрела на них. И у кусков бумаги был рак. У его почерка был рак. Я слушаюсь своих снов. Ты заслужил немного любви.

Мы снова поцеловались.

– Слушай, – сказала она, – только когда засунешь в меня эту штуку, вытащи сразу перед тем, как кончить. Ладно?

– Я понимаю.

Я влез на нее. Это было хорошо. Что-то происходило, что-то подлинное, причем с девушкой на 20 лет моложе меня и, в конце концов, реально красивой. Я сделал толчков 10 – и кончил в нее.

Она подскочила.

– Ты сукин сын! Ты кончил у меня внутри!

– Лидия, просто уже так *давно*... было так хорошо... я ничего не мог сделать. Оно ко мне подкралось! Христом-богом клянусь, я ничего поделать не мог.

Она убежала в ванную и пустила воду. Стоя перед зеркалом, она пропускала длинные каштановые волосы сквозь щетку. Она была поистине прекрасна.

– Ты сукин сын! Боже, какой тупой студенческий трюк. Это говно студенческое! И хуже времени ты выбрать не мог! Значит, мы теперь сожители! Мы сожители теперь!

Я придвинулся к ней в ванной:

– Лидия, я тебя люблю.

– Пошел от меня к чертовой матери!

Она вытолкнула меня наружу, закрыла дверь, и я остался в прихожей слушать, как набегает в ванну вода.

5

Я не видел Лидию пару дней, хотя удалось позвонить ей за это время раз 6–7. Потом наступили выходные. Ее бывший муж, Джералд, на выходные всегда забирал детей.

Я подъехал к ее двору в ту субботу около 11 утра и постучался. Лидия была в узких джинсах, сапогах, оранжевой блузке. Ее карие глаза казались темнее обычного, и на солнце, когда она открыла мне дверь, я заметил естественную рыжину в ее темных волосах. Поразительно. Она позволила себя поцеловать, заперла за нами дверь, и мы пошли к моей машине. Мы выбрали пляж – не купаться, стояла середина зимы, – а просто заняться чем-нибудь.

Мы поехали. Мне было хорошо от того, что Лидия – в машине со мной.

– Ну и *пьянка* же была, – сказала она. – И вы называете это брошюровочной вечеринкой? Да это прямо какая-то брюхатовочная вечеринка была, во какая. Сплошь ебля!

Я вел машину одной рукой, а другую держал у нее между бедер. Я ничего не мог с собой сделать. Лидия вроде бы не замечала. Пока мы ехали, моя рука вползла ей совсем между ног. Она продолжала говорить. Как вдруг сказала:

– Убери руку. Это моя пизда!

– Извини, – ответил я.

Никто из нас не произнес ни слова, пока не доехали до стоянки на пляже в Венеции.

– Хочешь сэндвича с коллой или еще чего? – спросил я.

– Давай, – ответила она.

Мы зашли в маленькую еврейскую закусочную взять еды и потащили все на поросший травой бугорок, откуда хорошо смотрелось море. У нас были сэндвичи, соленые огурчики, чипсы и газировка. На пляже почти никто не сидел, и еда была прекрасна и вкусна. Лидия не разговаривала. Я поразился, насколько быстро она ела. Она вгрызалась в сэндвич с дикостью, делала огромные глотки колы, съела пол-огурца одним махом и потянулась за горстью картофельных чипсов. Я же, напротив, – едок очень неторопливый.

Страсть, подумал я, в ней есть страсть.

– Как сэндвич? – спросил я.

– Ничего. Я проголодалась.

– Они тут хорошие сэндвичи готовят. Еще чего-нибудь хочешь?

– Да, шоколадку.

– Какую?

– О, все равно. Какую-нибудь вкусную.

Я откусил от сэндвича, отхлебнул колы, поставил все на землю и пошел к магазину. Купил две шоколадки, чтоб у нее был выбор. Когда я шел обратно, к бугорку двигался высокий негр. День стоял прохладный, но рубашки на негре не было, и тело перекатывалось сплошными мускулами. Лет двадцать с хвостом, пожалуй. Он шел очень медленно и прямо. У него была длинная гибкая шея, а в левом ухе болталась золотая серьга. Он прошествовал перед Лидией по песку, между бугорком и океаном. Я подошел и сел рядом.

– Ты видел этого парня? – спросила она.

– Да.

– Господи боже, вот сижу я с тобой, ты на двадцать лет меня старше. Мне могло бы достаться вот такое. Черт, ну что со мной не так, а?

– Смотри. Вот пара шоколадок. Выбирай.

Она взяла одну, содрала бумажку, откусила и загляделась на молодого и черного, ухившего вдаль по песку.

– Я устала от этого пляжа, – сказала она, – поехали ко мне.

Мы не встречались неделю. Потом как-то днем я оказался у Лидии – мы лежали на кровати и целовались. Лидия отстранилась.

– Ты ничего не знаешь о женщинах, правда?

– Ты о чем?

– Я имею в виду – прочитав твои стихи и рассказы, я могу сказать, что ты ничего не знаешь о женщинах.

– Еще чего скажешь?

– Ну, в смысле, для того, чтобы мужчина меня заинтересовал, он должен съесть мне пизду. Ты когда-нибудь ел пизду?

– Нет.

– Тебе за пятьдесят и ты ни разу не ел пизду?

– Нет.

– Слишком поздно.

– Почему?

– Старого пса новым трюкам не научишь.

– Научишь.

– Нет, тебе уже слишком поздно.

– У меня всегда было замедленное развитие.

Лидия встала и вышла в другую комнату. Потом вернулась с карандашом и листком бумаги.

– Вот смотри, я хочу тебе показать кое-что. – Она принялась рисовать. – Вот, это пизда, а вот то, о чем ты, вероятно, не имеешь понятия, – секель. Вот где самое чувство. Секель прячется, видишь, он выходит время от времени, он розовый и очень *чувствительный*. Иногда он от тебя прячется, и ты должен его найти, только *тронь* его кончиком языка...

– Ладно, – сказал я. – Понял.

– Мне кажется, ты не сможешь. Говорю же, старого пса новым трюкам не научишь.

– Давай разденемся и ляжем.

Мы сняли все и растянулись. Я начал целовать Лидию. От губ – к шее, затем к грудям. Потом дошел до пупка. Передвинулся ниже.

– Нет, не *сможешь*, – сказала она. – Оттуда выходят кровь и ссаки, только подумай, кровь и ссаки...

Я дошел дотуда и начал лизать. Она нарисовала мне точную схему. Все было там, где и должно быть. Я слышал, как она тяжело дышит, потом стонет. Это меня подстегнуло. У меня встал. Секель вышел наружу, но был он не совсем розовым, он был лиловато-розовым. Я начал его мучить. Выступили соки и смешались с волосами. Лидия все стонала и стонала. Потом я услышал, как открылась и закрылась входная дверь. Раздались шаги, и я поднял голову. У кровати стоял маленький черный мальчик лет пяти.

– Какого дьявола тебе надо? – спросил я его.

– Пустые бутылки есть? – спросил он меня.

– Нет, нету у меня никаких пустых бутылок, – ответил ему я.

Он вышел из спальни в переднюю комнату и ушел через входную дверь.

– Боже, – произнесла Лидия, – я думала, передняя дверь закрыта. Это был малыш Бонни.

Лидия встала и заперла входную дверь. Потом вернулась и вытянулась на кровати. Было около 4 часов дня, суббота.

Я занырнул обратно.

6

Лидия любила вечеринки. А Гарри любил их устраивать. Вот мы и поехали к Гарри Эскоту. Тот редактировал «Отповедь», маленький журнальчик. Жена его носила длинные полупрозрачные платья, под которыми мужчины видели ее трусики, и ходила босиком.

– Первое, что мне в тебе понравилось, – говорила Лидия, – это что у тебя нет телевизора. Мой бывший муж смотрел в телевизор каждый вечер и все выходные напролет. Нам даже любовь приходилось подстраивать к телепрограмме.

– Ммм...

– И еще мне у тебя понравилось, потому что грязь – но. Пивные бутылки по всему полу. Везде кучи мусора. Немытые тарелки и говняное кольцо в унитазе, и короста в ванне. Ржавые лезвия валяются в раковине. Я знала, что ты станешь пизду есть.

– Ты судишь о человеке по тому, что его окружает, верно?

– Верно. Когда я вижу человека с чистой квартирой, я знаю: с ним что-то не в порядке. А если там слишком чисто, то он пидор.

Мы подъехали и вылезли. Квартира была наверху. Громко играла музыка. Я позвонил. Открыл сам Гарри Эскот. У него была нежная и щедрая улыбка.

– Заходите, – сказал он.

Литературная толпа вся была уже в сборе, пила вино и пиво, разговаривала, кучкуясь. Лидия возбудилась. Я осмотрелся, потом сел. Сейчас должны подавать обед. Гарри хорошо ловил рыбу – лучше, чем писал, и уж гораздо лучше, чем редактировал. Эскоты жили на одной рыбе, ожидая, когда таланты Гарри начнут приносить хоть какие-то деньги.

Диана, его жена, вышла с рыбой на тарелках и стала ее раздавать. Лидия сидела рядом со мной.

– Вот, – сказала она, – как надо есть рыбу. Я деревенская девчонка. Смотри.

Она вскрыла рыбину и ножом сделала что-то с хребтом. Рыба легла двумя аккуратными кусками.

– Ой, а мне *понравилось*, – сказала Диана. – Как вы сказали, откуда вы?

– Из Юты. Башка Мула, штат Юта. Население сто человек. Я выросла на ранчо. Мой отец был пьяницей. Сейчас он умер уже. Может, поэтому я и с этим вот... – Она ткнула большим пальцем в мою сторону.

Мы принялись за еду.

После того как рыбу съели, Диана унесла кости. Затем был шоколадный кекс и крепкое (дешевое) красное вино.

– О, кекс хороший, – сказала Лидия, – можно еще кусочек?

– Конечно, дорогуша, – ответила Диана.

– Мистер Чинаски, – сказала темноволосая девушка из другого угла, – я читала переводы ваших книг в Германии. Вы в Германии очень популярны.

– Это мило, – ответил я. – Вот бы они еще мне гонорары присылали...

– Слушайте, – сказала Лидия, – давайте не будем обо всякой литературной муре. Давайте *сделаем* что-нибудь! – Она подскочила, бортанув меня бедром. – **ДАВАЙТЕ ТАНЦЕВАТЬ!**

Гарри Эскот надел свою нежную и щедрую улыбку и пошел включать стерео. Включил он его как можно громче.

Лидия затанцевала по всей комнате, и молоденький белокурый мальчик с кудряшками, что клеились ему ко лбу, к ней присоединился. Они затанцевали вместе. Остальные поднялись и тоже пошли танцевать. Я остался сидеть.

Со мною сидел Рэнди Эванс. Я видел, как он тоже наблюдает за Лидией. Он заговорил. Он все говорил и говорил. Слава богу, я его не слышал – музыка играла слишком громко.

Я смотрел, как Лидия танцует с мальчиком в кудряшках. Двигаться Лидия умела. Ее движения таились на грани сексуального. Я взглянул на других девчонок: они, похоже, так не умели. Но, подумал я, это просто потому, что Лидию я знаю, а их нет.

Рэнди продолжал болтать, хоть я ему и не отвечал. Танец окончился, Лидия вернулась и снова села рядом.

– У-у-ух, мне кранты! Наверно, не в форме.

На вертак упала следующая пластинка, и Лидия встала и подошла к мальчику с золотыми кудряшками. Я продолжал пить пиво с вином.

Пластинок было много. Лидия с мальчиком все танцевали и танцевали – в центре внимания, пока остальные двигались вокруг, – и каждый танец был интимнее предыдущего.

Я по-прежнему пил пиво и вино.

Шел дикий громкий танец... Мальчик с золотыми кудряшками поднял руки над головой. Лидия прижалась к нему. Это было драматично, эротично. Они держали руки высоко над головой и прижимались друг к другу телами. Тело к телу. Он отбрасывал назад ноги, то одну, то другую. Лидия подражала ему. Они смотрели друг другу в глаза. Надо признать – они были хороши. Пластинка крутилась и крутилась. Наконец замерла.

Лидия вернулась и села рядом.

– Я в самом деле выдохлась, – сказала она.

– Слушай, – сказал я, – мне кажется, я слишком много выпил. Может, нам пора отсюда убираться.

– Я видела, как ты их заливал.

– Пошли. Эта вечеринка не последняя.

Мы поднялись уходить. Лидия сказала что-то Гарри и Диане. Когда она вернулась, мы пошли к дверям. Когда я их открывал, подошел мальчик с золотыми кудряшками.

– Эй, мужик, что скажешь про меня и твою девушку?

– Нормально.

Когда мы вышли на улицу, меня стошнило, все пиво с вином попросились наружу. Они лились и брызгали на кусты – по тротуару – целый фонтан в лунном свете. В конце концов я выпрямился и рукой вытер рот.

– Ты из-за парня, правда? – спросила она.

– Да.

– Почему?

– Почти казалось, что вы ебетесь, может, даже лучше.

– Это ничего не означало, это был просто *танец*.

– Предположим, я хватаю вот так тетку на улице? А под музыку, значит, можно?

– Ты не понимаешь. Всякий раз, когда я заканчивала танцевать, я же возвращалась и садилась с *тобой*.

– Ладно, ладно, – сказал я, – погоди минутку.

Я стравил еще один фонтан на чей-то умиравший газон. Мы спустились по склону от Эхо-парка к бульвару Голливуд.

Сели в машину. Она завелась, и мы поехали на запад по Голливуду к Вермонту.

– Ты знаешь, как мы называем таких, как ты? – спросила Лидия.

– Нет.

– Мы их называем, – сказала она, – обломщиками.

7

Мы снизились над Канзас-Сити, пилот сказал, что температура 20 градусов,¹ а я – вот он, в тонком калифорнийском спортивном пиджачке и рубашке, легковесных штанах, летних носочках и с дырками в башмаках. Пока мы приземлялись и буксировались к рампе, все тянулись за своими пальто, перчатками, шапками и шарфами. Я дал им выйти, а затем спустился по переносному трапу сам. Французик подпирал собою здание: ждал меня. Французик преподавал драматургию и собирал книги, в основном – мои.

– Добро пожаловать в Канзас-Ссыте, Чинаски! – сказал он и протянул мне бутылку текилы. Я хорошенько глотнул и пошел за ним к автостоянке. Багажа со мной не было – один портфель, набитый стихами. В машине было тепло и приятно, и мы передавали бутылку друг другу.

На дорогах лежал ледяной накат.

– Не всякий сможет ездить по этому ебаному льду, – сказал Французик. – Надо соображать, что делаешь.

Я расстегнул портфель и начал читать Французику стих о любви, который вручила мне Лидия в аэропорту:

«...твой хуй лиловый, согнутый как...»

«...когда я выдавливаю твои прыщи, пульки гноя, как сперма...»

– Бля-А-А-А! – завопил Французик.

Машину пошло крутить юзом. Французик заработал баранкой.

– Французик, – сказал я, подняв бутылку с текилой и отхлебнув, – а ведь не выберемся.

Машина слетела с дороги в трехфутовую канаву, разделявшую полосы. Я передал ему бутылку.

Мы вылезли из кабины и выкарабкались из канавы. Мы голосовали проходившим машинам, делясь тем, что оставалось на доньшке. Наконец одна остановилась. Парняга лет двадцати пяти, пьяный, сидел за рулем:

– Вам куда, друзья?

– На поэтический вечер, – ответил Французик.

– На поэтический вечер?

– Ага, в Университет.

– Ладно, залазьте.

Он торговал спиртным. Заднее сиденье было забито коробками пива.

– Пиво берите, – сказал он, – и мне тоже одну передайте.

Он нас довез. Мы въехали напрямиком в центр студгородка и встали перед самым залом. Опоздали всего на 15 минут. Я вышел из машины, проблевался, а потом мы зашли внутрь. Остановились купить только пинту водки, чтобы я продержался.

Я читал минут 20, потом отложил стихи.

– Скучно мне от этого говнища, – сказал я, – давайте просто поговорим.

Закончилось все тем, что я орал слушателям всякую хренаторию, а те орали мне. Неплохая публика попалась. Они делали это бесплатно. Еще через полчаса пара профессоров вытащила меня оттуда.

– У нас есть для вас комната, Чинаски, – сказал один, – в женском общежитии.

– В женской общаге?

– Ну да, хорошая такая комнатка.

¹ По Фаренгейту – 6–7 °C (Здесь и далее прим переводчика)

...И правда. На третьем этаже. Один препод купил шкалик вискача. Другой вручил мне чек за чтения плюс деньги за билет, и мы посидели, попили виски и поговорили. Я вырубился. Когда пришел в себя, никого уже не было, но полшкалика оставалось. Я сидел, пил и думал: эй, ты – Чинаски, легенда Чинаски. У тебя сложился образ. Ты сейчас в общаге у теток. Тут сотни баб, *сотни*.

На мне были только трусы и носки. Я вышел в холл и подошел к ближайшей двери. Постучал.

– Эй, я Генри Чинаски, бессмертный писатель! Открывайте! Я хочу вам кой-чего показать!

Захихикали девчонки.

– Ну ладно же, – сказал я. – Сколько вас там? Двое? Трое? Неважно. И с тремя справлюсь! Без проблем! Слышите меня? Открывайте! У меня такая ОГРОМНАЯ лиловая штука есть! Слушайте, я сейчас ею вам в дверь постучу!

Я взял кулак и забарабанил им в дверь. Те по-прежнему хихикали.

– Так. Значит, не впусстите Чинаски, а? Ну так ЕБИТЕСЬ В РЫЛО!

Я попробовал следующую дверь:

– Эй, девчонки! Это лучший поэт последних восемнадцати сот лет! Откройте дверь! Я вам кой-чего покажу! Сладкое мяско вам в срамные губы!

Попробовал следующую.

Я перепробовал все двери на этом этаже, потом спустился по лестнице и проработал все на втором, потом – на первом. Вискач у меня был с собой, и я притомился. Казалось, я покинул свою комнату много часов назад. Продвигаясь вперед, я пил. Непруха.

Я забыл, где моя комната, на каком этаже. В конце концов, мне теперь хотелось только одного – до нее добраться. Я снова перепробовал все двери, на этот раз молча, крайне стесняясь своих трусов с носками. Непруха. «Величайшие люди – самые одинокие».

Снова оказавшись на третьем этаже, я повернул одну из ручек – и дверь отворилась. Вот мой портфель стихов... пустые стаканы, бычки в пепельнице... мои штаны, моя рубашка, мои башмаки, мой пиджак. Чудесное зрелище. Я закрыл дверь, сел на постель и прикончил бутылку виски, которую таскал с собой.

Я проснулся. Стоял день. Я находился в странном чистом месте с двумя кроватями, шторами, телевизором и ванной. Похоже на мотель. Я встал и открыл дверь. Снаружи лежали снег и лед. Я закрыл дверь и огляделся. Необъяснимо. Без понятия, где я. Жуткий бодун и депрессуха. Я дотянулся до телефона и заказал междугородный звонок Лидии в Лос-Анджелес.

– Детка, я не знаю, где я!

– Я думала, ты полетел в Канзас-Сити?

– Я тоже. А теперь не знаю, где я, понимаешь? Я открыл дверь, посмотрел, а там ничего нет, один накат на дорогах, лед и снег!

– Где тебя поселили?

– Последнее, что помню, – мне дали комнату в женской общаге.

– Ну, так ты, наверное, таким ослом себя там выставил, что тебя переселили в мотель. Не волнуйся. Обязательно кто-нибудь придет и о тебе позаботится.

– Боже, неужели в тебе нет ни капли сострадания к моему положению?

– Ты сам себя ослом выставил. Ты в общем и целом всегда себя ослом выставляешь.

– Что ты имеешь в виду – «в общем и целом всегда»?

– Ты просто пьянь паршивая, – сказала Лидия. – Прими теплый душ.

Она повесила трубку.

Я дошагал до кровати и на ней растянулся. Милый номер, но ему недостает характера. Проклят буду, если полезу под душ. Я подумал было включить телевизор.

В конце концов, я уснул...

В дверь постучали. Явились два ясных молоденьких мальчика из колледжа, готовые доставить меня в аэропорт. Я сидел на кровати и надевал ботинки.

– У нас есть время пропустить парочку в аэропорту перед взлетом? – спросил я.

– Конечно, мистер Чинаски, – ответил один, – все, что вам угодно.

– Ладно, – сказал я. – Тогда попиздюхали отсюда.

8

Я вернулся, несколько раз трахнул Лидию, подрался с ней и одним поздним утром вылетел из международного аэропорта Лос-Анджелеса на чтения в Арканзасе. Сравнительно повезло – весь ряд достался мне одному. Командир представился, если я правильно расслышал, как Капитан Пьянчуга. Когда мимо проходила стюардесса, я заказал выпить.

Я был уверен, что знаю одну из стюардесс. Она жила на Лонг-Биче, прочла несколько моих книжек, написала мне письмо, приложив свое фото и номер телефона. Я узнал ее по фотографии. Так никогда и не довелось с нею встретиться, но я звонил ей несколько раз, и одной пьяной ночью мы орали друг на друга по телефону.

Она стояла прямо, пытаясь не замечать, как я вылупил на ее зад, ляжки и груди.

Мы пообедали, посмотрели «Игру недели», послеобеденное винище жгло глотку, и я заказал пару «кровавых Мэри».

Когда мы добрались до Арканзаса, я пересел на маленькую двухмоторную дрянь. Стоило пропеллерам завертеться, как крылья задрожали и затряслись. Похоже, вот-вот отвалятся. Мы оторвались от земли, и стюардесса спросила, не хочет ли кто выпить. К тому времени выпить надо было уже всем. Она спотыкалась и колыхалась между кресел, продавая напитки. Потом объявила, громко:

– ДОПИВАЙТЕ! СЕЙЧАС ПРИЗЕМЛИМСЯ!

Мы допили и приземлились. Через пятнадцать минут снова поднялись в воздух. Стюардесса спросила, не хочет ли кто выпить. К тому времени выпить надо было уже всем. Потом она объявила, громко:

– ДОПИВАЙТЕ! СЕЙЧАС ПРИЗЕМЛИМСЯ!

Меня встречали профессор Питер Джеймс и его жена Сельма. Сельма походила на кинозвездочку, только в ней было больше класса.

– Здорово выглядишь, – сказал Пит.

– Это твоя жена выглядит здорово.

– У тебя есть два часа до выступления.

Пит привез меня к ним. У них был двухэтажный дом с комнатой для гостей на нижнем уровне. Мне показали мою спальню, внизу.

– Есть хочешь? – спросил Пит.

– Нет, меня блевать тянет. Мы пошли наверх.

За сценой, незадолго до начала, Питер наполнил графин для воды водкой с апельсиновым соком.

– Чтениями заправляет одна старушка. У нее бы в трусиках все скисло, если б она узнала, что ты пьющий. Она неплохая старушенция, но до сих пор считает, что поэзия – это про закаты и голубок в полете.

Я вышел и стал читать. Аншлаг. Удача моя держалась. Они походили на любую другую публику: не знали, как относиться к некоторым хорошим стихам, а на других смеялись не там, где нужно. Я продолжал читать и подливал себе из графина.

– Что это вы пьете?

– Это, – ответил я, – апельсиновый сок пополам с жизнью.

– У вас есть подруга?

– Я девственник.

– Почему вы захотели стать писателем?

– Следующий вопрос, пожалуйста.

Я почитал им еще немного. Рассказал, что прилетел сюда с Капитаном Пьянчугой и посмотрел «Игру Недели». Рассказал, что в хорошей духовной форме я могу съесть все с тарелки и сразу ее вымыть. Почитал еще стихов. Я читал, пока графин не опустел. Тогда я сказал, что чтения окончены. Последовало сколько-то раздачи автографов, и мы отправились на пьянку к Питу домой...

Я исполнил свой индейский танец, свой танец живота и свой танец «Не-Можешь-Срать-Не-Мучай-Жопу». Тяжело пить, когда танцуешь. И тяжело танцевать, когда пьешь. Питер знал, что делал. Он выстроил кушетки и стулья так, чтобы отделить танцующих от пьющих. Каждый мог заниматься своим делом, не беспокоя остальных.

Подошел Пит. Оглядел всех женщин в комнате.

– Какую хочешь? – спросил он.

– Что, вот так просто?

– Наше южное гостеприимство.

Приметил я там одну, постарше прочих, с выступавшими зубами. Но зубы выступали у нее безупречно – расталкивая губы, как открытый страстный цветок. На этих губах я хотел ощутить свои. На ней была короткая юбка, а колготки являли миру хорошие ноги, которые постоянно скрещивались и раскрещивались, когда она смеялась, пила, одергивала юбку, никак не хотевшую их прикрывать. Я подсел к ней.

– Я... – начал было я.

– Я знаю, кто вы. Я была на вашем чтении.

– Спасибо. Мне бы хотелось съесть вам пизду. Я уже наловчился. Я сведу вас с ума.

– Что вы думаете об Аллене Гинзберге?

– Послушайте, не сбивайте меня. Я хочу вашего рта, ваших ног, вашего зада.

– Хорошо, – ответила она.

– Тогда до скорого. Я в спальне внизу.

Я встал, покинул ее, выпил еще. Молодой парень – по меньшей мере 6 футов и 6 дюймов ростом – подошел ко мне:

– Послушайте, Чинаски, что-то не верю я, будто вы живете на банухе, знаете с торговцами наркотой, сутенерами, блядьми, торчками, игроками, драчунами и алкашами...

– Отчасти это правда.

– Чушь собачья, – изрек он и отошел. Литературный критик.

Потом подошла блондиночка, лет 19, в очках без оправы и с улыбкой на лице. Улыбка с него не сползала.

– Я хочу вас выебать, – заявила она. – Все дело в вашем лице.

– Что у меня с лицом?

– Оно величественно. Я хочу уничтожить ваше лицо своей пиздой.

– Может получится и наоборот.

– Не будьте так уверены.

– Вы правы. Пизды неуничтожимы.

Я вернулся к кушетке и начал заигрывать с ножками той, в короткой юбке и с влажными лепестками губ, ее звали Лиллиан.

Вечеринка закончилась, и я спустился с Лилли вниз. Мы разделись и сели, подпершись подушками, – пить водку и водочный коктейль. У нас было радио, и радио играло. Лилли рассказала, что много лет работала на то, чтобы ее муж смог закончить колледж, а получив кафедру, он подал на развод.

– Это невежливо, – сказал я.

– Вы были женаты?

– Да.

– И что?

– «Ментальная жестокость», судя по тому, что записано в протоколах.

– И это правда? – спросила она.

– Конечно – с обеих сторон.

Я поцеловал Лилли. Это было так хорошо, как я себе и представлял. Цветок рта раскрылся. Мы сцепились, я всосался ей в зубы. Мы разъединились.

– Я думаю, что вы, – сказала она, глядя на меня широко раскрытыми и прекрасными глазами, – один из двух-трех лучших писателей на сегодняшний день.

Я быстро потушил настольную лампу. Еще некоторое время целовал Лилли, играл с грудями и телом, затем опустился сверху. Я был пьян, однако, думаю, получилось ничего. Но после этого никак иначе не смог: всё скакал, скакал и скакал. Я был тверд, но кончить никак не удавалось. В конце концов я скатился с нее и уснул...

Наутро Лилли, растянувшись на спине, лежала и храпела. Я сходил в ванную, пощсал, почистил зубы и умылся. Потом заполз обратно в постель. Развернул ее к себе и начал играть с разными ее частями тела. Мне всегда хочется с бодуна – причем не есть хочется, а засадить. Ебля – лучшее лекарство от похмелья. Как хорошая смазка для деталей. Из рта у нее так воняло, что губ-лепестков уже не хотелось. Я влез. Она слабо застонала. Мне вкатило. Не думаю, что впихнул ей больше двадцати раз – и кончил.

Через некоторое время я услышал, как она встала и прошла в ванную. Лиллиан. К тому времени, как она вернулась, я уже почти спал, повернувшись к ней спиной.

Через 15 минут она вылезла из постели и стала одеваться.

– Что такое? – спросил я.

– Мне пора отсюда идти. Надо детей вести в школу.

Лиллиан закрыла дверь и побежала вверх по лестнице.

Я встал, дошел до ванной и некоторое время смотрел на свое отражение в зеркале.

В десять утра я поднялся к завтраку. Там я нашел Пита и Сельму. Сельма выглядела здорово. Где только находят таких Сельм? Псам этого мира Сельмы никогда не достаются. Псам достаются только суки. Сельма подала нам завтрак. Она была прекрасна, и владел ею один человек, преподаватель колледжа. Почему-то не совсем правильно. Образованные выскочки, не подкопаешься. Образование стало новым божеством, а образованные – новыми плантаторами.

– Чертовски хороший завтрак, – сказал я им. – Большое спасибо.

– Как Лилли? – спросил Пит.

– Лилли была очень хороша.

– Сегодня вечером надо будет читать еще раз, ты в курсе. В маленьком колледже, консервативнее.

– Хорошо. Буду осторожен.

– Что читать собираешься?

– Старье, наверное.

Мы допили кофе, прошли в гостиную и сели. Зазвонил телефон, Пит ответил, поговорил, затем повернулся ко мне:

– Парень из местной газеты хочет взять у тебя интервью. Что ему сказать?

– Скажи ладно.

Пит передал ответ, затем подошел и взял мою последнюю книгу и ручку.

– Я подумал, тебе стоит что-нибудь здесь написать для Лилли.

Я раскрыл книгу на титульном листе. «Дорогая Лилли, – написал я. – Ты всегда будешь частью моей жизни...

Генри Чинаски».

9

Мы с Лидией вечно ссорились. Она была вертихвосткой, и это меня раздражало. Когда мы выходили поесть, я был уверен, что она приглядывается к какому-нибудь мужику на другом краю ресторана. Когда заходили мои друзья и у меня была Лидия, я слышал, что разговаривает она все интимнее и сексуальнее. Она всегда специально подсаживалась к моим друзьям как можно ближе. Лидию же раздражало мое пьянство. Она любила секс, а мое пьянство мешало нам заниматься любовью.

– Либо ты слишком пьян, чтобы трахаться вечером, либо слишком болеешь, чтобы трахаться утром, – говорила она. Лидия впадала в ярость, если я хоть бутылку пива при ней выпивал. Мы с нею разбегались как минимум раз в неделю – «навсегда», – но вечно как-то умудрялись помириться. Она закончила лепить мою голову и подарила ее мне. Когда мы разбегались, я ставил голову в машину на переднее сиденье, вез к дому Лидии и оставлял у двери на крыльце. Потом шел к телефонной будке, звонил ей и говорил:

– Твоя чертова башка стоит за дверью! Так голова ездила туда и обратно.

Мы опять расстались, и я свалил с себя эту голову. Я пил: снова свободный человек. У меня имелся молодой приятель, Бобби, довольно никакой пацан, работавший в порнографической книжной лавке. На стороне он прирабатывал фотографией. Шил в паре кварталов от меня. Бобби было трудно и с самим собой, и с его женой Вэлери. Как-то вечером он позвонил и сказал, что хочет привезти ко мне Вэлери переночевать. Отличный план. Вэлери было 22, совершенно чудная, с длинными светлыми волосами, безумными голубыми глазами и красивым телом. Как и Лидия, она провела некоторое время в сумасшедшем доме. Немного погодя, я услышал, как они заехали на лужайку перед моим двором. Вэлери вышла. Я вспомнил, как Бобби рассказывал мне, что когда знакомил с Вэлери своих родителей, те заметили по поводу ее платья, что, мол, оно им нравится, а она ответила:

– Ага, а как насчет остальной меня? – И задрала платье на бедрах. Трусики на ней не было.

Вэлери постучала. Я услышал, как Бобби отъехал. Я впустил ее в дом. Выглядела она прекрасно. Я налил два скотча с водой. Ни она, ни я ни о чем не говорили. Мы выпили, и я налил еще два. После этого сказал:

– Давай, поехали в бар.

Мы сели в мою машину. Бар «Агрегат для клея» находился прямо за углом. На той неделе, правда, мне там велели больше не наливать, но, когда мы вошли, никто даже не пикнул. Мы сели за столик и заказали выпить. По-прежнему не разговаривали. Я просто смотрел в эти безумные голубые глаза. Мы сидели рядом, и я ее поцеловал. Губы ее были прохладны и приоткрыты. Я поцеловал ее еще раз, и мы прижались друг к другу ногами. Славная у Бобби жена. Бобби ненормальный, что раздает ее налево и направо.

Мы решили поужинать. Заказали себе по бифштексу, пили и целовались, пока ждали. Барменша сказала:

– О, да вы влюблены! – и мы оба рассмеялись. Когда принесли бифштексы, Вэлери сказала:

– Я свой не хочу.

– Я свой тоже не хочу, – ответил я.

Мы пили еще часик, а потом решили вернуться ко мне. Подъезжая к передней лужайке, я увидел в проезде женщину. Лидия. В руке она держала конверт. Я вышел из машины с Вэлери, и Лидия посмотрела на нас.

– Кто это? – спросила Вэлери.

– Женщина, которую я люблю, – объяснил я.

– Кто эта сука? – завопила Лидия.

Вэлери повернулась и побежала по тротуару. Я слышал ее высокие каблочки по мостовой.

– Заходи давай, – сказал я Лидии. Она вошла в дом следом за мной.

– Я пришла сюда отдать тебе это письмо и, похоже, вовремя зашла. Кто это?

– Жена Бобби. Мы просто друзья.

– Ты ведь собирался ее выебать, правда?

– Но послушай, я же ей сказал, что люблю *тебя*.

– Ты ведь собирался ее выебать, правда?

– Но послушай, детка...

Вдруг она меня толкнула. Я стоял перед кофейным столиком, а тот стоял перед тахтой. Я рухнул спиной на столик, упал чуть ли не под тахту. Услышал, как хлопнула дверь. А когда поднимался, уже завелась машина. Лидия уехала.

Сукин сын, подумал я, то у тебя аж две бабы, а через минуту – уже ни одной.

10

Я удивился наутро, когда ко мне постучалась Эйприл. Эйприл – это та, что сидела на диете и была на вечеринке у Гарри Эскота, а потом слиняла с наспидованным маньяком. Было 11 утра. Эйприл вошла и села.

– Я всегда восхищалась вашей работой, – сказала она.

Я достал ей пива и взял себе.

– Бог – это крюк в небесах, – сказала она.

– *Ладно*, – сказал я.

Эйприл была тяжеловата, но не очень жирна. Большие бедра и крупная задница, а волосы свисали прямо вниз. Что-то уже в одних ее размерах – матерых, будто и обезьяна ей была бы под силу. Ее умственная отсталость привлекала, поскольку Эйприл не играла в игры. Она закинула одну ногу на другую, показав огромные белые ляжки.

– Я посеяла зернышки помидоров в подвале того дома, где живу, – сказала она.

– Я у тебя возьму, когда взойдут, – ответил я.

– У меня никогда не было водительских прав, – сказала Эйприл. – Моя мать живет в Нью-Джерси.

– А моя умерла, – ответил я, подошел и подсел к ней на тахту. Потом схватил и поцеловал. Пока я целовал Эйприл, она смотрела мне прямо в глаза. Я оторвался. – Давай ебаться, – сказал я.

– У меня инфекция, – ответила Эйприл.

– Чего?

– Вроде грибка. Ничего серьезного.

– А я могу заразиться?

– Выделения такие, типа молочка.

– А я могу заразиться?

– Вряд ли.

– Давай ебаться.

– Я не знаю, хочется ли мне ебаться.

– Хорошо будет. Пошли в спальню.

Эйприл зашла в спальню и начала снимать одежду. Я снял свою. Мы забрались под простыни. Я начал играть с ней и ее целовать. Потом оседлал. Очень странно. Будто пизда у нее поперек. Я знал, что я внутри, я чувствовал, что вроде должен быть внутри, но все время сползал куда-то вбок, влево. Я все горбатил и горбатил ее. Такой вот восторг. Я кончил и скатился.

Позже я отвез ее домой, и мы поднялись к ней в квартиру. Долго разговаривали, и ушел я, лишь записав номер квартиры и адрес. Проходя по вестибюлю, я узнал почтовые ящики этого дома. Я разносил сюда почту много раз, когда служил почтальоном. Я вышел к своей машине и уехал.

11

У Лидии было двое детей: Тонто, мальчик 8 лет, и Лиза, 5-летняя малышка, прервавшая нашу первую поебку. Мы сидели вместе за столом как-то вечером, ужинали. Между нами с Лидией все шло хорошо, и я оставался на ужин почти каждый вечер, потом спал с Лидией и уезжал часов в 11 на следующее утро, возвращался к себе проверить почту и писать. Дети спали в соседней комнате на водяной постели. Старый домишко – Лидия снимала его у бывшего японского борца, который теперь занялся недвижимостью. В Лидии он был очевидно заинтересован. Ну и ладно. Милый старый домишко.

– Тонто, – сказал я за едой, – ты знаешь, что когда твоя мама кричит по ночам, я ее не бью. Ты ведь знаешь, кому *на самом деле* плохо.

– Да, знаю.

– Ну так зашел бы да помог.

– Не-а. Я ее знаю.

– Слушай, Хэнк, – сказала Лидия, – не натравливай на меня детей.

– Он самая большая уродина в *мире*, – сказала Лиза.

Лиза мне нравилась. Когда-нибудь станет настоящей сексапилкой – и не просто так, а личностью.

После ужина мы с Лидией ушли в спальню и растянулись на кровати. Лидия торчала от угрей и прыщиков. У меня плохая кожа. Она придвинула лампу поближе к моему лицу и приступила. Мне нравилось. У меня от этого все зудело, а иногда вставал. Очень интимно. Иногда между выдавленными прыщами Лидия меня целовала. Сперва она всегда трудилась над моим лицом, а потом переходила к спине и груди.

– Ты меня любишь?

– Ага.

– У-у-у, посмотри, какой! Угорь с большим желтым хвостом.

– Славный, – сказал я.

Она лежала на мне во весь рост. Потом вдруг перестала давить и посмотрела на меня.

– Я тебя в могилу еще положу, ебарь ты жирный!

Я засмеялся. Лидия поцеловала меня.

– А я засуну тебя обратно в психушку, – сказал я.

– Перевернись. Давай спиной займись.

Я перевернулся. Она выдавила у меня на загривке.

– У-у-у, вот хороший какой! Аж выстрелил! Мне в глаз попало!

– Очки надевать надо.

– Давай заведем маленького *Генри!* Только подумай – маленький Генри Чинаски!

– Давай обождем немного.

– Я хочу маленького *сейчас же!*

– Давай подождем.

– Мы только и делаем, что дрыхнем, жрем, валяемся да трахаемся. Как слизни. Слизневая любовь, вот как это называется.

– Мне нравится.

– Ты раньше здесь писал. Ты был занят. Ты приносил сюда чернила и рисовал свои рисунки. А теперь идешь домой и все самое интересное делаешь там. Здесь ты только ешь да спишь, а с утра первым делом уезжаешь. Тупо.

– Мне нравится.

– Мы не ходим на вечеринки уже несколько месяцев! Мне нравится встречаться с людьми! Мне *скучно!* Мне так скучно, что я уже с ума схожу! Мне хочется что-то делать! Я хочу ТАНЦЕВАТЬ! Я *жить* хочу!

– Ох, блядь.

– Ты слишком старый. Тебе только бы сидеть на одном месте да критиковать всех и вся. Ты не хочешь ничего делать. Тебе все нехорошо!

Я скатился с кровати и встал. Начал надевать рубашку.

– Что ты делаешь? – спросила она.

– Выметаюсь отсюда.

– Ну вот, пожалста! Как только что не по-твоему, ты вскакиваешь и сразу за дверь. Ты никогда не хочешь ни о чем разговаривать. Ты идешь домой и напиваешься, а на следующий день тебе так худо, что хоть ложись и подыхай. И вот *тогда* ты звонишь мне!

– Я уйду отсюда к чертовой матери!

– Но почему?

– Я не хочу оставаться там, где меня не хотят. Я не хочу быть там, где меня не любят.

Лидия помедлила. Потом сказала:

– Хорошо. Давай, ложись. Мы выключим свет и просто будем тихо вместе.

Я помедлил. Затем сказал:

– Ну, ладно.

Я разделся целиком и залез под одеяло и простыню. Ляжкой прижался к ляжке Лидии. Мы оба лежали на спине. Я слышал сверчков. Славный тут район. Прошло несколько минут. Потом Лидия сказала:

– Я стану великой.

Я не ответил. Прошло еще несколько минут. Вдруг Лидия вскочила с кровати, вскинула руки к потолку и громко заявила:

– Я СТАНУ ВЕЛИКОЙ! Я СТАНУ ИСТИННО ВЕЛИКОЙ! НИКТО НЕ ЗНАЕТ, НАСКОЛЬКО ВЕЛИКОЙ Я СТАНУ!

– Ладно, – сказал я. Потом она добавила уже тише:

– Ты не понимаешь. Я стану великой. Во мне больше *потенциала*, чем в тебе!

– Потенциал, – ответил я, – ни фигу не значит. Надо дело делать. Почти у любого младенца в люльке больше потенциала, чем у меня.

– Но я это СДЕЛАЮ! Я СТАНУ ИСТИННО ВЕЛИКОЙ!

– Ладно, ладно, – сказал я. – А пока ложись обратно.

Лидия легла обратно. Мы не целовались. Тут уж не до секса. Я устал. Слушал сверчков. Не знаю, сколько времени прошло. Я уже почти уснул – не совсем, правда, – когда Лидия вдруг села на кровати. И завопила. Вопль был громкий.

– В чем дело? – спросил я.

– Лежи тихо.

Я стал ждать. Лидия сидела не шевелясь минут, наверное, десять. Потом снова упала на подушку.

– Я видела Бога, – сказала она. – Я только что увидела Бога.

– Слушай, ты, сука, ты с ума меня свести хочешь!

Я встал и начал одеваться. Я рассвирепел. Я не мог найти свои трусы. Да ну их к черту, подумал я. Пусть валяются, где валяются. Я надел на себя все, что у меня было, и сидел на стуле, натягивая башмаки на босые ноги.

– Что ты делаешь? – спросила Лидия.

Я не смог ей ответить и вышел в переднюю комнату. Моя куртка висела на спинке стула, я взял ее и надел. Выбежала Лидия. В голубом negligee и трусиках. Босиком. У Лидии были толстые лодыжки. Обычно она носила сапоги, чтоб их спрятать.

– ТЫ НИКУДА НЕ ПОЙДЕШЬ! – заорала она.

– Насрать, – сказал я. – Я пошел отсюда.

Она на меня прыгнула. Обычно она бросалась на меня, когда я был пьян. Теперь же я был трезв. Я отступил вбок, и она упала на пол, перевернулась и оказалась на спине. Я переступил через нее на пути к двери. Она была в ярости, пузырилась слюна, Лидия рычала, скалила зубы. Она походила на самку леопарда. Я взглянул на нее сверху вниз. Безопаснее, когда она лежит на полу. Она испустила рык, и только я собрался выйти, как она, дотянувшись, вцепилась ногтями в рукав моей куртки, потащила на себя и содрала его прямо с руки. Рукав оторвался в плече.

– Господи ты боже мой, – сказал я, – посмотри, что ты сделала с моей новой курткой! Я ведь только что ее купил!

Я открыл дверь и выскочил наружу с голой рукой.

Только я успел отпереть машину, как услышал, что за спиной по асфальту шлепают ее босые ноги.

Я запрыгнул внутрь и запер дверцу. Нажал на стартер.

– Я убью эту машину! – орала она. – Я прикончу эту машину!

Кулаки ее колотили по капоту, по крыше, по ветровому стеклу. Я двинул машиной вперед, очень медленно, чтобы не покалечить Лидию. Мой «меркурий-комета» 62-го года развалился, и я недавно купил «фольксваген» 67-го. Я его драил и полировал. В бардачке даже метелка из перьев лежала. Я медленно выезжал, а Лидия все молотила кулаками по машине. Едва я от нее оторвался, сразу дернул на вторую. Бросив взгляд в зеркальце, я увидел, как Лидия стоит одна в лунном свете, не шевелясь, в своем голубом неглиже и трусиках. Все нутро мне корежило и переворачивало. Я болен, не нужен, печален. Влюблен в нее.

12

Я поехал к себе, начал пить. Врубил радио и нашел какую-то классическую музыку. Вытащил из чулана свою лампу Коулмэна. Выключил свет и сел забавляться с нею. С лампой Коулмэна можно много разных штук проделать. Например, погасить ее, а потом снова зажечь и смотреть, как она разгорается от жара фитиля. Еще мне нравилось ее подкачивать и нагнетать давление. А уж какое удовольствие просто на нее смотреть. Я пил, смотрел на лампу, слушал музыку и курил сигару.

Зазвонил телефон. Лидия.

– Что ты делаешь? – спросила она.

– Сижу просто так.

– Ты сидишь просто так, пьешь, слушаешь классическую музыку и играешься с этой своей проклятой лампой!

– Да.

– Ты вернешься?

– Нет.

– Ладно, пей! Пей, и пускай тебе будет хуже! Сам знаешь, эта дрянь тебя однажды чуть не прикончила. Ты больницу помнишь?

– Я ее никогда не забуду.

– Хорошо, пей, ПЕЙ! УБИВАЙ СЕБЯ! И УВИДИШЬ, НАСРАТЬ МНЕ ИЛИ НЕТ!

Лидия повесила трубку, и я тоже. Что-то подсказывало мне, что она беспокоится не столько о моей возможной смерти, сколько о своей следующей ебле. Но мне нужны каникулы. Необходим отдых. Лидии нравилось ебстись по меньшей мере пять раз в неделю. Я предпочитал три. Я встал и прошел в обеденный уголок, где на столе у меня жила пишущая машинка. Зажег свет, сел и напечатал Лидии 4-страничное письмо. Потом зашел в ванную, взял бритву, вышел, сел и хорошенько хлебнул. Вытащил лезвие и чиркнул средний палец правой руки. Потекла кровь. Я подписал свое письмо кровью.

Потом сходил к почтовому ящику на углу и сбросил конверт.

Телефон звонил несколько раз. Лидия. Она орала мне разное.

– Я пошла ТАНЦЕВАТЬ! Я не собираюсь одна тут рассиживать, пока ты там нажираешься!

Я ей сказал:

– Ты ведешь себя так, будто я не пью, а хожу с другой теткой.

– Это еще хуже! Она повесила трубку.

Я продолжал пить. Спать совсем не хотелось. Вскоре настала полночь, потом час, два. Лампа Коулмэна все горела...

В 3.30 зазвонил телефон. Снова Лидия.

– Ты все еще пьешь?

– Ну дак!

– Ах ты сучья рожа гнилая!

– Вообще-то, как раз когда ты позвонила, я сдирал целлофан с этой вот пинты «Катти Сарк». Она прекрасна. Видела бы ты ее!

Лидия шваркнула трубкой о рычаг. Я смешал себе еще. По радио играла хорошая музыка. Я откинулся на спинку. Очень хорошо.

С грохотом распахнулась дверь, и вбежала Лидия. Задыхаясь, остановилась посреди комнаты. Пинта стояла на кофейном столике. Лидия увидела ее и схватила. Я подскочил и схватил Лидию. Когда я пьян, а она безумна, мы почти друг друга стоим. Она держала бутылку высоко

в воздухе, отстраняясь от меня и пытаясь выскочить с нею за дверь. Я схватил ее за руку с бутылкой и попытался отобрать.

– ТЫ, БЛЯДЬ! ТЫ НЕ ИМЕЕШЬ ПРАВА! ОТДАЙ БУТЫЛКУ, ЕБ ТВОЮ МАТЬ!

Потом мы оказались на крыльце, мы боролись. Споткнулись на ступеньках и свалились на тротуар. Бутылка ударилась о цемент и разбилась. Лидия поднялась и побежала. Я услышал, как завелась ее машина. Я остался лежать и смотреть на разбитую бутылку. Та валялась в фуге от меня. Лидия уехала. Луна все еще сияла. В доньшке того, что осталось от бутылки, я разглядел еще глоток скотча. Распластавшись на тротуаре, я дотянулся до него и поднес ко рту. Длинный зубец стекла чуть не выткнул мне глаз, пока я допивал остатки. Затем я встал и зашел внутрь. Жажда была ужасна. Я походил по дому, подбирая пивные бутылки и выпивая те капли, что оставались в каждой. Из одной я порядочно глотнул пепла, поскольку пивные бутылки часто были мне пепельницами. 4.14 утра. Я сидел и наблюдал за часами. Будто снова на почте работаю. Время обездвижело, а существование стало пульсирующей непереносимой ерундой. Я ждал. Я ждал. Я ждал. Я ждал. Наконец настало 6 часов. Я пошел на угол в винную лавку. Продавец как раз открывался. Он впустил меня. Я приобрел еще одну пинту «Катти Сарк». Пришел домой, запер дверь и позвонил Лидии.

– У меня тут пинта «Катти Сарк», с которой я сдираю целлофан. Я собираюсь выпить. А винный магазин теперь будет работать целых двадцать часов.

Она повесила трубку. Я выпил стаканчик, а потом зашел в спальню, повалился на постель и уснул, даже не раздевшись.

13

Неделю спустя я ехал по бульвару Голливуд с Лидией. Развлекательный еженедельник, выходявший тогда в Калифорнии, попросил меня написать им статью о жизни писателя в Лос-Анджелесе. Я ее написал и теперь ехал в редакцию сдавать. Мы оставили машину на стоянке Мозли-сквер. Мозли-сквер – это квартал дорогих бунгалов, в которых музыкальные издатели, агенты, антрепренеры и прочая публика устраивают себе конторы. Аренда там очень высокая.

Мы зашли в один из бунгалов. За столом сидела симпатичная девица, образованная и невозмутимая.

– Я Чинаски, – сказал я, – и вот моя статья. Я швырнул ее на стол.

– О, мистер Чинаски. Я всегда очень восхищалась вашей работой!

– У вас тут выпить чего-нибудь не найдется?

– Секундочку...

Она поднялась по ковровой лестнице и снова спустилась с бутылкой дорогого красного вина. Открыла ее и извлекла несколько бокалов из бара-тайника. Как бы мне хотелось залечь с нею в постель, подумал я. Но ни фи́га не выйдет. Однако залегает же кто-то с нею в постель регулярно.

Мы сидели и потягивали вино.

– Мы дадим вам знать по поводу статьи очень скоро. Я уверена, что мы ее примем... Но вы совсем не такой, каким я ожидала вас увидеть...

– То есть?

– У вас такой мягкий голос. Вы кажетесь таким милым.

Лидия расхохоталась. Мы допили вино и ушли. Когда мы шли к машине, я услышал оклик:

– Хэнк!

Я обернулся – в новом «мерседесе» сидела Ди Ди Бронсон. Я подошел.

– Ну, как оно, Ди Ди?

– Недурно. Бросила «Кэпитол Рекордз». Теперь вон той вот конторой заправляю.

Она махнула рукой. Еще одна музыкальная компания, довольно известная, со штаб-квартирой в Лондоне. Ди Ди раньше частенько заскакивала ко мне со своим дружкой, когда у него и у меня было по колонке в одной подпольной лос-анджелесской газетке.

– Да у тебя тогда все нормально вроде, – сказал я.

– Вот только...

– Только что?

– Только мне нужен мужик. Хороший мужик.

– Ну так дай мне свой номер, и я погляжу, смогу ли тебе его найти.

– Ладно.

Ди Ди записала номер на полоске бумаги, и я сложил ее себе в бумажник. Мы с Лидией подошли к моему старенькому «фольку» и залезли внутрь.

– Ты собираешься ей позвонить, – сказала она. – Ты собираешься позвонить по этому номеру.

Я завел машину и выехал на бульвар Голливуд.

– Ты собрался звонить по этому номеру, – продолжала она. – Я просто знаю, что ты позвонишь по этому номеру!

– Хватить гундеть! – сказал я. Похоже, впереди еще одна плохая ночь.

14

Мы снова поссорились. Я вернулся к себе, но не хотелось сидеть в одиночестве и пить. В тот вечер проходил заезд упряжек. Я взял с собой пинту и поехал на бега. Прибыл рано, поэтому успел прикинуть все цифры. К концу первого заезда пинта была, к моему удивлению, более чем наполовину пуста. Я мешал ее с горячим кофе, и шла она гладко.

Я выиграл три из первых четырех заездов. Позже выиграл еще и экзакту² и опережал долларов на 200 к концу 5-го заезда. Я сходил в бар и сыграл с доски тотализатора. В тот вечер мне выпала так называемая «хорошая доска». Лидия усралась бы, видя, как ко мне плывет столько бабок. Она терпеть не могла, когда я выигрывал на скачках, особенно если сама проигрывала.

Я продолжал пить и ставить. К концу 9-го заезда я был в выигрыше на 950 долларов и сильно пьян. Я засунул бумажник в один из боковых карманов и медленно пошел к машине.

Я сидел в ней и смотрел, как проигравшие отваливают со стоянки. Я сидел, пока машины не иссякли, и лишь тогда завел свою. Сразу же за ипподромом располагался супермаркет. Я увидел освещенную будку телефона на другом конце автостоянки, заехал и вылез. Подошел и набрал номер Лидии.

– Слушай, – сказал я, – слушай меня, сука. Я сегодня сходил на скачки упряжек и выиграл девятьсот пятьдесят долларов. Я победитель! Я всегда буду победителем! Ты меня не заслуживаешь, сука! Ты со мною в игрушки играла? Так вот, кончились игрушки! Хватите меня! Наигрался! Ни ты мне не нужна, ни твои проклятые игры! Ты меня поняла? Приняла к сведению? Или башка у тебя совсем жиром заплывла, как твои лодыжки?

– Хэнк...

– Да.

– Это не Лидия. Это Бонни. Я сажу с детьми за Лидию. Она сегодня ушла на весь вечер. Я повесил трубку и пошел обратно к машине.

² Экзакта – ставка на двух выбранных лошадей, которые придут 1-й, 2-й или 3-й в любой последовательности.

15

Лидия позвонила мне утром.

– Каждый раз, когда ты будешь напиваться, – заявила она, – я буду ходить на танцы. Вчера вечером я ходила в «Красный зонтик» и приглашала мужчин потанцевать. У женщины есть на это право.

– Ты шлюха.

– Вот как? Так если и есть что-то похуже шлюхи – это скука.

– Если есть что-то похуже скуки – это скучная шлюха.

– Если тебе моей пизды не хочется, – сказала она, – я отдам ее кому-нибудь другому.

– Твоя привилегия.

– А после танцев я поехала навестить Марвина. Я хотела найти адрес его подружки и увидеться с ней. С Франсиной. Ты сам ведь как-то ночью ездил к его девчонке Франсине, – сказала Лидия.

– Слушай, я никогда ее не еб. Я просто слишком напился и не мог ехать домой после тусовки. Мы даже не целовались. Она разрешила мне переночевать на кушетке, а утром я поехал домой.

– Как бы то ни было, когда я доехала до Марвина, я раздумала спрашивать у него адрес Франсины.

У родителей Марвина водились деньги. Дом его стоял на самом берегу. Марвин писал стихи – получше, чем большинство. Марвин мне нравился.

– Ну, надеюсь, ты хорошо провела время, – сказал я и повесил трубку.

Не успел я отойти от телефона, как тот зазвонил снова. Марвин.

– Эй, угадай, кто ко мне вчера посреди ночи нагрязнул? Лидия. Постучалась в окно, и я ее впустил. У меня на нее встал.

– Ладно, Марвин. Я понимаю. Я тебя не виню.

– Ты не злишься?

– На тебя – нет.

– Тогда ладно...

Я взял вылепленную голову и загрузил в машину. Доехал до Лидии и водрузил голову на порог. Звонить в дверь не стал и уже собрался уходить. Вышла Лидия.

– Ты почему такой осел? – спросила она. Я обернулся.

– Ты не избирательна. Тебе что один мужик, что другой – без разницы. Я за тобой говно жрать не собираюсь.

– Я тоже за тобой говно жрать не буду! – завопила она и хлопнула дверью.

Я подошел к машине, сел и завел. Поставил на первую. Она не шелохнулась. Попробовал вторую. Ничего. Тогда я снова перешел на первую. Лишний раз проверил, снято ли с тормоза. Машина не двигалась с места. Я попробовал задний ход. Назад она поехала. Я тормознул и снова попробовал первую. Машина не двигалась. Я все еще был очень зол на Лидию. Я подумал: ну ладно же, поеду на этой злоебучке домой задом. Потом представил себе фараонов, которые меня остановят и спросят, какого это дьявола я делаю. Ну, понимаете, офицеры, я поссорился со своей девушкой и добраться до дому теперь могу только так.

Я уже не так сердился на Лидию. Я вылез и пошел к ее двери. Она втащила мою голову внутрь. Я постучал.

Лидия открыла.

– Слушай, – спросил я, – ты что, ведьма?

– Нет, я шлюха, уже забыл?

– Ты должна отвезти меня домой. Моя машина едет только *назад*. Ты эту дрянь заговорила, что ли?

– Ты что – серьезно?

– Пойдем, покажу.

Лидия вышла со мной к машине.

– Все работало прекрасно. Потом вдруг ни с того ни с сего она едет только задним ходом. Я уже домой так пилить собирался.

Я сел.

– Вот смотри.

Я завел и поставил на первую, отпустив сцепление. Машина рванулась вперед. Я поставил вторую. Она перешла на вторую и поехала еще быстрее. Перевел на третью. Машина мило катила дальше. Я развернулся и остановился на другой стороне улицы. Подошла Лидия.

– Слушай, – сказал я, – ты должна мне поверить. Еще минуту назад машина ехала только задом. А теперь с ней все в порядке. Поверь мне, пожалуйста.

– Я тебе верю, – ответила она. – Это Бог сделал. Я верю в такие вещи.

– Это наверняка что-то значит.

– Оно и значит.

Я вылез из машины. Мы вошли к Лидии.

– Снимай рубашку и ботинки, – сказала она, – и ложись на кровать. Сначала я хочу выдавить тебе угри.

16

Бывший японский борец, теперь занимавшийся недвижимостью, продал дом. Лидии приходилось съезжать. В доме жили она, Тонто, Лиза и пес Живчик. В Лос-Анджелесе большинство хозяев вывешивает один и тот же знак: ТОЛЬКО ВЗРОСЛЫМ. С двумя детьми и собакой найти квартиру очень сложно. Лидии могла помочь только ее привлекательность. Необходим был хозяин-мужчина.

Сначала я возил их всех по городу. Без толку. Потом стал держаться подальше и оставался в машине. Все равно не срабатывало. Пока мы ездили, Лидия орала из окна:

– В этом городе есть хоть *кто-нибудь*, кто сдаст квартиру женщине с двумя детьми и собакой?

Неожиданно случай подвернулся в моем же дворе. Я увидел, как люди съезжают, и сразу пошел и поговорил с миссис О'Киф.

– Послушайте, – сказал я, – моей подруге нужно где-то жить. У нее двое детишек и собака, но все они ведут себя хорошо. Вы позволите им заселиться?

– Я видела эту женщину, – ответила миссис О'Киф. – Ты разве не замечал, какие у нее глаза? Она сумасшедшая.

– Я знаю, что она сумасшедшая. Но мне она небезразлична. У нее и хорошие качества есть, честно.

– Она же для тебя слишком молода! Зачем тебе такая молоденькая?

Я засмеялся.

Мистер О'Киф подошел сзади к жене и взглянул на меня сквозь сетчатую летнюю дверь.

– Да он пиздой одержимый, только и всего. Очень все просто, он пиздострадалец.

– Ну так как? – спросил я.

– Ладно, – ответила миссис О'Киф. – Вези...

И вот Лидия взяла напрокат прицеп, и я ее перевез. Главным образом одежда, все вылепленные Лидией головы и большая стиральная машина.

– Мне не нравится миссис О'Киф, – сказала мне Лидия. – Муж у нее вроде ничего, а сама она мне не нравится.

– Она из правильных католичек. К тому же тебе надо где-то жить.

– Я не хочу, чтобы ты пил с этими людьми. Они стремятся тебя погубить.

– Я плачу им каких-то восемьдесят пять баксов аренды в месяц. Я им как сын. Я просто обязан с ними иногда хоть пива выпить.

– Как сын – *хуйня!* Ты им почти ровесник.

Прошло недели три. Заканчивалось субботнее утро. Предыдущую ночь я у Лидии не ночевал. Я вымылся в ванне и выпил пива, оделся. Выходных я не любил. Все вываливают на улицы. Все режутся в пинг-понг, или стригут свои газоны, или дряют машины, или едут в супермаркет, или на пляж, или в парк. Везде толпы. У меня любимый день – понедельник. Все возвращаются на работу, и никто глаза не мозолит. Я решил съездить на бега, несмотря на толпу. Так и суббота убьется. Я съел яйцо вкрутую, выпил еще пива и, выходя на крыльцо, запер дверь. Лидия во дворе играла с Живчиком, псом.

– Привет, – сказала она.

– Привет, – ответил я. – Я поехал на бега. Лидия подошла ко мне.

– Послушай, ты же знаешь, что у тебя от бегов бывает.

Она имела в виду, что с ипподрома я всегда возвращался усталым и не мог заниматься с ней любовью.

– Ты вчера вечером напился, – продолжала она. – Ты был ужасен. Ты напугал Лизу. Я вынуждена была тебя выгнать.

– Я еду на скачки.

– Ладно, валяй, поезжай на свои скачки. Но если ты уедешь, то, когда вернешься, меня здесь уже не будет.

Я сел в машину, стоявшую на передней лужайке. Отвернул стекла и завел мотор. Лидия стояла в проезде. Я помахал ей на прощанье и выехал на улицу. Стоял славный летний денек. Я поехал в Голливуд-парк. У меня новая система. С каждой новой системой я все ближе и ближе к богатству. Дело только во времени.

Я потерял 40 долларов и поехал домой. Заехал на лужайку и вышел из машины. Обходя крыльцо на пути к своей двери, я увидел миссис О'Киф, шедшую по проезду.

– Ее нет!

– Что?

– Твоей девушки. Она съехала. Я не ответил.

– Она наняла прицеп и загрузила свои пожитки. Она была в ярости. У нее эта большая стиральная машина, знаешь?

– Ну.

– Так вот, эта штука – тяжелая. Я б ее не подняла. А она не давала даже своему мальчишке помогать. Просто подняла сама и засунула в прицеп. Потом забрала детей, собаку и уехала. А за неделю вперед еще уплочено.

– Хорошо, миссис О'Киф. Спасибо.

– Ты сегодня выпить-то зайдешь?

– Не знаю.

– Постарайся.

Я отпер дверь и вошел. Я одалживал ей кондиционер. Тот сидел теперь в кресле возле чулана. На нем лежала записка и голубые трусики. В записке дикие каракули: «Вот твой кондиционер, сволочь. Я уехала. Я уехала насовсем, сукин ты сын! Когда станет одиноко, можешь сдрочить в эти трусики. Лидия».

Я подошел к холодильнику и достал пива. Выпил, подошел к кондиционеру. Подобрал трусики и постоял, размышляя, получится или нет. Затем сказал:

– Блядь! – и швырнул их на пол.

Я подошел к телефону и набрал номер Ди Ди Бронсон. Та была дома.

– Алло? – сказала она.

– Ди Ди, – ответил я, – это Хэнк...

17

У Ди Ди дом стоял в Голливудских Холмах. Ди Ди жила там с подругой, тоже директором, Бьянкой. Бьянка занимала верхний этаж, Ди Ди – нижний. Я позвонил. Было 8.30 вечера, когда Ди Ди открыла. Около 40, черные, коротко стриженные волосы, еврейка, хиповая, с закидонами. Она была ориентирована на Нью-Йорк, знала все имена, какие надо: нужных издателей, лучших поэтов, самых талантливых карикатуристов, правильных революционеров, кого угодно, всех. Она непрерывно курила траву и вела себя так, будто на дворе начало 60-х и Время Любви, когда она была слегка известнее и намного красивее.

Долгая серия неудачных романов окончательно ее доконала. Теперь у нее в дверях стоял я. От ее тела много чего осталось. Миниатюрна, однако фигуриста, и многие девчонки помоложе сдохли бы, только б занять ее фигуру.

Я вошел в дом следом за ней.

– Так Лидия, значит, отвалила? – спросила Ди Ди.

– Я думаю, она поехала в Юту. В Башке Мула на подходе танцульки в честь Четвертого июля. Она их никогда не пропускает.

Я уселся в обеденный уголок, пока Ди Ди откупоривала красное вино.

– Скучаешь?

– Господи, не то слово. Плакать хочется. У меня все кишки внутри изжеваны. Наверное, не выкарабкаюсь.

– Выкарабкаешься. Мы тебе поможем пережить Лидию. Мы тебя вытащим.

– Значит, ты знаешь, каково мне?

– Со многими из нас по несколько раз так было.

– Начать с того, что этой суке никогда до меня не было дела.

– Было-было. И до сих пор есть.

Я решил, что лучше уж сидеть в большом доме у Ди Ди в Голливудских Холмах, чем торчать одному в собственной квартире и гундеть.

– Должно быть, я просто не очень умею с дамами, – сказал я.

– Ты с дамами достаточно умеешь, – сказала Ди Ди. – И ты отличный писатель.

– Уж лучше б я с дамами умел.

Ди Ди подкуривала. Я подождал, когда она закончит, затем перегнулся через стол и поцеловал ее.

– Мне от тебя хорошо. Лидия вечно нападала.

– Это вовсе не значит того, что ты думаешь.

– Но это может быть неприятно.

– Еще как.

– Не подыскала еще себе дружка?

– Пока нет.

– Мне тут славно. Как тебе удастся в чистоте все держать?

– У нас есть горничная.

– Во как?

– Тебе понравится. Она большая и черная, и бросает работу, стоит мне уйти. Потом забирается на кровать, ест печенье и смотрит телик. Каждый вечер в постели я нахожу крошки. Я скажу ей, чтобы приготовила тебе завтрак, когда уеду утром.

– Ладно.

– Нет, постой. Завтра же воскресенье. По воскресеньям я не работаю. В ресторан поедем. Я знаю одно место. Тебе понравится.

– Ладно.

– Знаешь, наверное, я всегда была в тебя влюблена.

– Что?

– Много лет. Знаешь, когда я раньше к тебе приезжала, сначала с Верни, потом с Джеком, я всегда тебя хотела. Но ты меня никогда не замечал. Ты вечно сосал свою банку пива или бывал чем-то одержим.

– Спятил, наверное, почти совсем спятил. Почтовое безумие. Прости, что я тебя не заметил.

– Можешь заметить теперь.

Ди Ди налила еще по бокалу. Хорошее вино. Мне она нравилась. Хорошо, когда есть куда пойти, когда все плохо. Я вспомнил, как было раньше, когда все бывало плохо, а пойти некуда. Может, для меня это и полезно было. Тогда. Но сейчас меня не интересовала польза. Меня интересовало, как я себя чувствую и как перестать чувствовать себя плохо, когда все наперекосяк. Как снова почувствовать себя хорошо.

– Я не хочу тебя выебать и высушить, Ди Ди, – сказал я. – Я не всегда хорошо отношусь к женщинам.

– Я же тебе сказала, что люблю тебя.

– Не надо. Не люби меня.

– Хорошо, – ответила она. – Я не буду тебя любить, я буду тебя *почти* любить. Так сойдет?

– Вот так гораздо лучше.

Мы допили вино и отправились в постель...

18

Утром Ди Ди повезла меня на Сансет-стрип завтракать. Ее «мерседес» был черен и сиял на солнце. Мы ехали мимо рекламных щитов, ночных клубов, модных ресторанов. Я съезился на сиденье, кашлял и курил взятяжку. Я думал: что ж, бывало и хуже. В голове промелькнула сцена-другая. Однажды зимой в Атланте я замерзал, полночь, денег нет, спать негде, и я брел по ступенькам к церкви в надежде зайти внутрь и согреться. Церковные ворота были заперты. В другой раз, в Эль-Пасо, я спал на скамейке в парке, а утром меня разбудил фараон, надав по подошвам дубинкой. И все же я не переставал думать о Лидии. Все хорошее, что было в наших отношениях, крысой расхаживало по моему желудку и грызло внутренности.

Ди Ди остановила машину у элегантно забегаловки. Солнечный дворик со стульями и столиками, люди сидели и ели, беседовали и пили кофе. Мы прошли мимо черного мужика в сапогах, джинсах и с тяжелой серебряной цепью, обмотанной вокруг шеи. Его мотоциклетный шлем, очки и перчатки лежали на столе. Он сидел с худой блондинкой в комбинезоне травяного цвета, она посасывала мизинец. В ресторане было битком. Все молодые, прилизанные, никакие. Никто на нас не тарасился. Все тихонько разговаривали.

Мы вошли, и бледный худосочный юноша с крошечными ягодицами, в узеньких серебристых брючках, 8-дюймовом ремне с заклепками и сияющей золотой блузке провел нас к столу. Уши у него были проколоты, он носил крохотные голубые сережки. Его усики, словно прочерченные карандашом, казались лиловыми.

– Ди Ди, – сказал он, – что происходит?

– Завтрак, Донни.

– Выпить, Донни, – сказал я.

– Я знаю, что ему нужно, Донни. Принеси «золотого цветка», двойной.

Мы заказали завтрак, и Ди Ди сказала:

– Нужно немного подождать, чтобы приготовили. Они тут всё готовят под заказ.

– Не трать слишком много, Ди Ди.

– Это все списывается на представительские. – Она вытащила черный блокнотик: – Так, давай поглядим. Кого я приглашаю сегодня на завтрак? Элтона Джона?

– Разве он не в Африке?...

– О, правильно. Ну а как тогда насчет Кэта Стивенса?³

– Это еще кто?

– Ты что, не знаешь?

– Нет.

– Так я его *открыла*. Будешь Кэтом Стивенсом.

Донни принес выпить, и они с Ди Ди поговорили. Казалось, они знают одних и тех же людей. Я же не знал никого. Меня трудно было привести в восторг. Мне было наплевать. Мне не нравился Нью-Йорк. Мне не нравился Голливуд. Мне не нравилась рок-музыка. Мне вообще ничего не нравилось. Возможно, я боялся. Вот в чем все дело – я боялся. Мне хотелось сидеть в одиночестве в комнате с задернутыми шторами. Вот от чего я тащился. Я придурок. Я ненормальный. А Лидия уехала.

Я допил коктейль, и Ди Ди заказала еще один. Я стал ощущать себя содержантом, и это было клево. Так легче развеять тоску. Нет ничего хуже, чем когда нищаешь и тебя бросает женщина. Пить нечего, работы нет, одни стены, сидишь, пялишься на них и думаешь. Так

³ Кэт Стивенс (Стивен Деметре Георгиу, р. 1948) – английский поп-фолк-певец, автор песен. После обращения в ислам в 1977 г. принял имя Юсуф Ислам. В США издавался звукозаписывающей компанией «Айленд».

женщины на тебе отвязываются, но им самим от этого больно, и они слабнут. Или же мне просто нравилось в это верить.

Завтрак был хорош. Яйца с гарниром из разных фруктов... ананасы, персики, груши... молотые орехи, заправка. Хороший завтрак. Мы доели, и Ди Ди заказала мне еще выпить. Мысль о Лидии по-прежнему оставалась во мне, но Ди Ди была мила. Разговаривала определенно, и меня это развлекало. Она могла меня рассмешить, а мне того и подавай. Смех мой весь сидел внутри, ожидая случая вырваться ревом наружу: ХАХАХАХАХА, о боже мой, о господи ХАХАХАХА. Когда это произошло, стало так хорошо. Ди Ди знала кое-что о жизни. Ди Ди знала: что случилось с одним, случалось с большинством из нас. Жизни наши не так уж сильно различаются – хоть нам и нравится думать, будто это не так.

Боль странна. Кошка убивает птичку, дорожная авария, пожар... Боль нагрывает, БАХ, и вот она уже – сидит на тебе! Настоящая. И для всех, кто смотрит со стороны, ты выглядишь по-дурацки. Будто вдруг сделался идиотом. От этого нет средства, если только нет знакомого, который соображает, каково тебе и как помочь.

Мы вернулись к машине.

– Я знаю, куда тебя свозить, чтобы ты развеялся, – сказала Ди Ди. Я не ответил. За мною ухаживали, как за инвалидом. Я им и был.

Я попросил Ди Ди остановиться возле бара. По ее выбору. Бармен ее знал.

– Вот здесь, – сказала она мне при входе, – тусуются многие сценаристы. И кое-кто из мелкой театральной публики.

Я невзлюбил их всех немедленно – расслаивают с умными и высокомерными рожами. Взаимоуничтожаются. Хуже нет для писателя – знать другого писателя, а тем паче – нескольких других писателей. Как мухи на одной кашке.

– Давай возьмем столик, – сказал я. Вот он я, писатель на шестьдесят пять долларов в неделю, сижу рядом с другими писателями – теми, что на тысячу долларов в неделю. Лидия, подумал я, я уже близок. Ты еще пожалеешь. Настанет день, и я буду ходить по модным ресторанам и меня станут узнавать. У них заведется особый столик для меня в глубине, поближе к кухне.

Мы взяли себе выпить, и Ди Ди на меня взглянула:

– Ты хорошо вылизываешь. Ты так вылизываешь, как мало кому удается.

– Лидия научила. Потом я добавил несколько штрихов от себя.

Темнокожий мальчуган вскочил и подошел к нашему столику. Ди Ди нас представила. Мальчуган был из Нью-Йорка, писал для «Виллидж войс» и других тамошних газет. Они с Ди Ди немного похлестались громкими именами, а потом он ее спросил:

– А чем твой муж занимается?

– Конюшню держу, – ответил я. – Кулачных бойцов. Четверо хороших мексиканских парней. Плюс один черный, настоящий танцор. Сколько вы весите?

– Сто пятьдесят восемь. Вы сами дрались? Судя по лицу, вам перепало изрядно.

– Перепало изрядно. Можем поставить вас в категорию сто тридцать пять. Мне нужен левша в легком весе.

– Откуда вы узнали, что я левша?

– Сигарету в левой руке держите. Приходите в спортзал на Мейн-стрит. В понедельник с утра. Начнем вас тренировать. Сигареты исключить. Погасите этого сукина сына немедленно!

– Послушайте, чувак, я же писатель. Я работаю на пишущей машинке. Вы никогда ничего моего не читали?

– Я читаю только столичные газеты – про убийства, изнасилования, результаты схваток, авиакатастрофы и Энн Лэндерс.⁴

⁴ Эстер («Эппи») Полин Фридман Ледерер (1918–2002) – американская журналистка, ведущая синдицированной колонки

– Ди Ди, – сказал он, – у меня интервью с Родом Стюартом через полчаса. Мне надо идти. – Он ушел.

Ди Ди заказала нам еще выпить.

– Почему ты не можешь относиться к людям порядочно? – спросила она.

– От страха, – ответил я.

– Вот и приехали, – сказала она и направила машину в ворота голливудского кладбища.

– Мило, – ответил я, – очень мило. О смерти-то я и забыл.

Мы немного поехали. Большинство могил возвышалось над землей. Как маленькие домики с колоннами и парадными ступенями. И в каждом – запертая железная дверь. Ди Ди остановила машину, и мы вышли. Она попробовала одну дверь. Я наблюдал, как у нее при этом виляет зад. Подумал о Ницше. Вот мы какие: германский жеребец и еврейская кобылка. Фатерлянд бы меня обожал.

Мы вернулись к «М. Венцу», и Ди Ди притормозила перед одним из блоков побольше. Тут всех засовывали в стены. Ряды за рядами. У некоторых – цветы в вазочках, но почти все – увядшие. В нишах цветов обычно не было. В иных лежали супруг с супругой, аккуратно, рядышком. В нескольких случаях одна из двойных ниш пустовала и ждала. Во всех покойником был муж.

Ди Ди взяла меня за руку и завела за угол. Вот он, почти в самом низу, Рудольф Валентино.⁵ Скончался в 1926-м. Долго не прожил. Я решил дожить до 80. Подумать только: тебе 80, а ебешь 18-летнюю. Только так и обжулить смерть в игре – если тут вообще можно сжульничать.

Ди Ди подняла цветочную вазочку и опустила себе в сумочку. Стандартный прикол. Тащи все, что не привязано. Все принадлежит всем. Мы вышли оттуда, и Ди Ди сказала:

– Я хочу посидеть на лавочке Тайрона Пауэра.⁶ Он у меня любимый был. Я его обожала!

Мы пошли и посидели на лавочке Тайрона рядом с могилой. Потом встали и перешли к могиле Дугласа Фербенкса-старшего.⁷ Хорошая. Своя лужица пруда перед надгробьем. В пруду плавали кувшинки и головастики. Мы поднялись по какой-то лестнице, и там, за могилой, тоже было где посидеть. Ди Ди и я сели. Я заметил трещину в стенке надгробья: туда и обратно сновали маленькие рыжие муравьи. Я немного понаблюдал за ними, потом обхватил Ди Ди руками и поцеловал – хорошим, долгим-долгим поцелуем. Мы наверняка будем хорошими друзьями.

советов под псевдонимом «Энн Лэндерс».

⁵ Рудольф Валентино (Родольфо Гульельми ди Валенитино, 1895–1926) – американский киноактер, амплуа героя-любownika.

⁶ Тайрон Эдмунд Пауэрмл. (1914–1958) – американский киноактер, прославился своими романтическими ролями.

⁷ Дуглас Фербенкс-ст. (Дуглас Элтон Томас Уллман, 1883–1939) – американский киноактер, режиссер, сценарист и продюсер, звезда немого экрана, прославился ролями в романтических комедиях и приключенческих фильмах. Отец актера Дугласа Фербенкса-мл. (1909–2000).

19

Ди Ди надо было встретить сына в аэропорту. Тот возвращался домой из Англии на каникулы. Ему 17, рассказала она мне, и его отец – бывший концертный пианист. Но подсел на спиды и кокс, а потом сжег себе пальцы в какой-то аварии. Играть на фортепиано больше не может. Они уже некоторое время в разводе.

Сына звали Ренни. Ди Ди рассказывала ему обо мне по телефону через всю Атлантику. Мы добрались до аэропорта, когда с рейса Ренни уже выпускали пассажиров. Ди Ди и Ренни обнялись. Он был высок и худ, довольно бледен. Прядь волос свисала на один глаз. Мы пожали руки.

Я пошел за багажом, пока Ренни и Ди Ди болтали. Он обращался к ней «мамуля». Когда мы вернулись к машине, он забрался на заднее сиденье и спросил:

– Мамуля, ты забрала мне велик?

– Заказала. Утром возьмем.

– А он хороший, мамуля? Я хочу с десятью скоростями, ручным тормозом и креплениями на педалях.

– Это хороший велосипед, Ренни.

– А ты уверена, что он будет готов?

Мы поехали обратно. Я остался на ночь. У Ренни была своя спальня.

Утром все сидели в обеденном уголке, дожидаясь прихода горничной. Ди Ди в конце концов поднялась сама готовить нам завтрак. Ренни сказал:

– Мамуля, а как разбивают яйцо?

Ди Ди взглянула на меня. Она знала, о чем я думаю. Я не проронил ни звука.

– Ладно, Ренни, иди сюда, я покажу. Ренни подошел к плите. Ди Ди взяла яйцо:

– Видишь, просто разбиваешь скорлупу о край... вот так... и яйцо само вываливается на сковородку... вот так...

– О...

– Это легко.

– А как его готовить?

– Мы его жарим. В масле.

– Мамуля, я не могу есть это яйцо.

– Почему?

– Потому что желток растекается!

Ди Ди обернулась и посмотрела на меня. Ее глаза умоляли: «Хэнк, черт возьми, ни слова...»

Несколько утр спустя мы снова собрались в обеденном уголке. Мы ели, а горничная хлопотала на кухне. Ди Ди сказала Ренни:

– Теперь у тебя есть велосипед. Сегодня съездишь за кока-колой? Мне иногда хочется одну-другую вечером выпить.

– Но, мамуля, эти кока-колы такие тяжелые! Ты что, сама их взять не можешь?

– Ренни, я работаю весь день и устаю. Кока-колу купишь ты.

– Но, мамуля, там же горка. Мне придется через горку педали крутить.

– Нет там никакой горки. Какая еще горка?

– Ну, *глазами* ее не видно, но она там есть...

– Ренни, купишь кока-колы, ты меня понял? Ренни встал, ушел в свою спальню и хлопнул дверью.

Ди Ди смотрела в сторону.

– Проверяет меня. Хочет убедиться, что я его люблю.

– Я куплю кока-колы, – сказал я.

– Да нет, все в порядке, – сказала Ди Ди. – Я сама.

В конце концов ее никто не купил.

Мы с Ди Ди заехали ко мне через несколько дней забрать почту и осмотреться, когда зазвонил телефон. Лидия.

– Привет, – сказала она, – я в Юте.

– Я получил твою записку, – ответил я.

– Как живешь? – спросила она.

– Нормально.

– В Юте летом славно. Ты бы приехал? В поход ходим. Все мои сестры здесь.

– Я прямо сейчас не могу.

– Почему?

– Ну, я с Ди Ди.

– С Ди Ди?

– Ну, да...

– Я знала, что ты позвонишь по этому номеру, – сказала она, – я же тебе сказала, что позвонишь!

Ди Ди стояла рядом.

– Скажи ей, пожалуйста, – попросила она, – чтобы дала мне до сентября.

– Забудь о ней, – говорила Лидия. – Ну ее к черту. Приезжай сюда со мной повидаться.

– Я же не могу все бросить только потому, что ты позвонила. А кроме того, – добавил я, – я даю Ди Ди до сентября.

– До сентября?

– Да.

Лидия завопила. Долгим громким воплем. Потом бросила трубку.

После этого Ди Ди не пускала меня домой. Как-то раз, когда мы сидели у меня и просматривали почту, я заметил, что телефонная трубка снята.

– Никогда так не делай, – сказал я Ди Ди.

Она возила меня на длинные прогулки по всему побережью. Брала путешествовать в горы. Мы ходили на гаражные распродажи, на рок-концерты, в кино, в церкви, к друзьям, на ужины и обеды, на представления иллюзионистов, пикники и в цирки. Ее друзья фотографировали нас вместе.

Путешествие на Каталину оказалось кошмарным. Я ждал вместе с Ди Ди на причале. Бодун меня мучил подлинный. Ди Ди нашла алказельцер и стакан воды. Помогло же только одно – молоденькая девчонка, сидевшая напротив. С прекрасным телом, длинными хорошими ногами и в красной мини-юбке. К этой мини-юбке она надела длинные чулки, пажи, а под низом виднелись розовые трусики. Даже туфли на высоком каблуке у нее были.

– Ты ведь на нее смотришь, правда? – спросила Ди Ди.

– Не могу оторваться.

– Она профурсетка.

– Конечно.

Профурсетка встала и пошла играть в пинбол, виляя задницей, чтобы помочь шарикам попадать куда нужно. Потом села снова, приоткрыв еще больше, чем раньше.

Гидросамолет сел, разгрузился, а затем мы вышли на пирс ждать посадки. Гидросамолет был красным, постройки 1936 года, с двумя пропеллерами, одним пилотом и 8 или 10 местами.

Если не травану в этой штуке, подумал я, можно считать, что я обул весь мир.

Девчонка в мини-юбке садиться в него не стала.

Ну почему каждый раз, когда видишь такую бабу, ты всегда с какой-то другой бабой?

Мы сели, пристегнулись.

– О, – сказала Ди Ди, – здорово! Пойду посижу с летчиком!

– Давай.

И вот мы взлетели, и Ди Ди встала и пересела к летчику. Я видел, как она болтала с ним, себя не помня. Она поистине наслаждалась жизнью – или же просто делала вид. В последнее время мне это было по барабану – это ее возбужденное жизнелюбие: меня она несколько раздражала, но по большей части я не ощущал ничего. Мне даже скучно не было.

Мы полетели и приземлились, посадка оказалась грубой, мы пронеслись низко мимо каких-то утесов, нас тряхнуло и поднялись брызги. Как в моторной лодке сидишь. Затем мы дотелепались до другого пирса, и Ди Ди вернулась и рассказала мне про гидросамолет, летчика и их беседу. Из палубы там вырезали здоровенный кусок, и она спросила пилота:

– А это безопасно?

И тот ответил:

– А черт его знает.

Ди Ди заказала нам номер в гостинице на самом берегу, на верхнем этаже. Холодильника не было, поэтому она купила пластмассовую ванночку и напихала туда льда, чтобы я мог стучать пиво. Еще в номере стоял черно-белый телевизор и была ванная. Класс.

Мы пошли прогуляться вдоль берега. Туристы наблюдались двух типов: либо очень молодые, либо очень старые. Старые везде расхаживали попарно, мужчина и женщина, в сандалиях, темных очках, соломенных шляпах, прогулочных шортах и рубашках диких расцветок. Жирные и бледные, с синими венами на ногах, лица их вспухали и белели на солнце. У них все ввалилось, со скул и из-под челюстей свисали складки и мешочки кожи.

Молодые были стройны, точно их отлили из гладкой резины. Девчонки безгрудые, с крошечными задиками, а мальчишки – с нежными мягкими лицами, ухмылялись, краснели и смеялись. Однако все выглядели довольными: и студенты, и старики. Делать им было почти нечего, но они нежились на солнышке и казались осуществленными.

Ди Ди пошла по магазинам. Она ими наслаждалась – покупала бусы, пепельницы, игрушечных собачек, открытки, ожерелья, статуэтки, и похоже было, что торчит она абсолютно от всего.

– У-у-у, *смотри!* – Она беседовала с лавочниками. Похоже, те ей нравились. Она пообещала писать одной даме письма, когда вернется на большую землю. У них оказался общий знакомый, игравший на ударных в рок-группе.

Ди Ди купила клетку с двумя неразлучниками, и мы вернулись в гостиницу. Я открыл пиво и включил телевизор. Выбор был ограничен.

– Пойдем еще погуляем, – предложила Ди Ди. – Так хорошо снаружи.

– Я буду сидеть здесь и отдыхать, – сказал я.

– Ты не против, если я без тебя схожу?

– Валяй.

Она поцеловала меня и ушла. Я выключил телевизор и открыл еще пиво. На этом острове делать больше нечего – только напиваться. Я подошел к окну. На пляже подо мной Ди Ди сидела рядом с молодым человеком, счастливая, болтала, улыбалась и размахивала руками. Молодой человек ухмылялся ей в ответ. Хорошо, что я не участвую в этой фигне. Я рад, что не влюблен, что не счастлив от всего мира. Мне нравится быть со всем остальным на ножах. Влюбленные часто раздражительны, опасны. Утрачивают ощущение перспективы. Теряют чувство юмора. Превращаются в нервных, занудных психотиков. И даже становятся убийцами.

Ди Ди не было часа 2 или 3. Я немного посмотрел телевизор и на портативной машинке напечатал пару-тройку стихотворений. О любви – о Лидии. Спрятал их в чемодан. Выпил еще пива.

Потом постучалась и вошла Ди Ди.

– О, я *изумительно* провела время! Сначала я каталась на лодке со стеклянным дном. Мы видели разную рыбу в море, там до самого дна все видно! Потом я нашла другой катер, который возит людей туда, где их яхты стоят на якоре. Молодой человек разрешил мне кататься несколько часов всего за доллар! У него спина вся сгорела от солнца, и я втирала ему в спину лосьон. Он *ужасно* сгорел. Мы развозили людей по яхтам. Видел бы ты, что на яхтах за люди! Старичье в основном, ветхое старичье с молоденькими девчонками. Девчонки все в сапогах, все пьяные или накуренные, взвинченные, стонут. У некоторых стариков мальчишки были, но у большинства – девчонки, иногда по две, по три, по четыре. От каждой яхты кумаром несло, киром и развратом. Чудесно!

– В самом деле неплохо. Мне бы твой дар откапывать интересных людей.

– Съездишь завтра? Там можно весь день за доллар кататься.

– Я пас.

– Написал что-нибудь сегодня?

– Немножко.

– Хорошо?

– Этого никогда не знаешь, пока восемнадцать дней не пройдет.

Ди Ди подошла и посмотрела на попугайчиков, поговорила с ними. Хорошая она женщина. Мне нравится. По-настоящему за меня беспокоится, желает мне только добра, хочет, чтобы я хорошо писал, хорошо ебал, выглядел тоже хорошо. Я это чувствовал. Это прекрасно. Может, когда-нибудь слетаем вместе на Гавайи. Я подошел к ней сзади и поцеловал в правое ухо, возле самой мочки.

– О, *Хэнк*, – вымолвила она.

Снова в Лос-Анджелесе, после недели на Каталине мы сидели как-то вечером у меня, что необычно само по себе. Уже было очень поздно. Мы лежали на кровати, голые, когда в соседней комнате зазвонил телефон.

Лидия.

– Хэнк?

– Да?

– Где ты был?

– На Каталине.

– С ней?

– Да.

– Послушай, после того, что ты мне про нее сказал, я разозлилась. У меня был роман. С гомосексуалистом. Это было ужасно.

– Я скучал по тебе, Лидия.

– Я хочу вернуться в Л. А.

– Это хорошо.

– Если я вернусь, ты ее бросишь?

– Она хорошая женщина, но если ты вернешься, я ее брошу.

– Я возвращаюсь. Я люблю тебя, старик.

– Я тебя тоже люблю.

Мы продолжали разговаривать. Уж и не знаю, сколько мы проговорили. А когда закончили, я ушел обратно в спальню. Ди Ди вроде бы уснула.

– Ди Ди? – спросил я и приподнял ей одну руку. Очень вялая. На ощупь тело – как резина. – Хватит шуток, Ди Ди, я знаю, что ты не спишь. – Она не шевелилась. Я огляделся и заметил, что ее пузырек слотворного пуст. Раньше он был полон. Я пробовал эти таблетки. Одной хватало, чтобы тебя убаюкать, только больше похоже, будто тебя огрели по башке и похоронили заживо.

– Ты наглоталась таблеток...

– Мне... все... равно... ты к ней уходишь... мне все... равно...

Я забежал на кухню, схватил тазик, вернулся и поставил его на пол у кровати. Потом перетянул голову и плечи Ди Ди за край и засунул пальцы ей в глотку. Ее вырвало. Я приподнял ее, дал немного подышать и повторил процедуру. Прodelывал то же самое еще и еще. Ди Ди блевала. Когда я приподнял ее в очередной раз, у нее выскочили зубы. Они лежали на простыне, верхние и нижние.

– У-у-у... мои жубы, – произнесла она. Вернее, попыталась произнести.

– Не беспокойся о зубах.

Я опять засунул пальцы ей в горло. Потом снова втащил на кровать.

– Я не хошу, – сказала она, – штоб ты видел мои жубы...

– Да все в порядке, Ди Ди. Они у тебя не гнилые.

– У-у-у-у.

Она ожила ровно настолько, чтобы вставить жубы на место.

– Отвези меня домой, – сказала она, – я хочу домой.

– Я останусь с тобой. Я тебя сегодня ночью одну не брошу.

– Но в конце концов бросишь?

– Давай одеваться, – сказал я.

Валентино оставил бы себе и Лидию, и Ди Ди. Потому и умер таким молодым.

20

Лидия вернулась и нашла себе миленькую квартиру в районе Бербанка. Казалось, я ей сейчас дороже, чем до нашего расставания.

– У моего мужа был вот такой вот здоровый хрен, и больше ни фига не было. Ни личности, ни флюидов. Один здоровенный хуй, а он думал, что ему больше ничего и не надо. Но господи ты боже мой, какой же он был тупой! С тобой же я эти флюиды все время получаю... такая электрическая обратная связь, никогда не прекращается. – Мы лежали вместе на постели. – А я даже не знала, большой у него хрен или нет, потому что до его хрена я хренов в жизни не видала. – Она пристально в меня вглядывалась. – Я думала, они все такие.

– Лидия...

– Чего?

– Я должен тебе кое-что сказать.

– Что?

– Я должен съездить повидаться с Ди Ди.

– Съездить повидаться с Ди Ди?

– Не остри. Есть зачем.

– Ты же сказал, все кончено.

– Все и кончено. Я просто не хочу ее бросать слишком круто. Я хочу объяснить ей, что произошло. Люди слишком холодны друг с другом. Я не хочу ее вернуть, я просто хочу попробовать объяснить, что случилось, чтоб она поняла.

– Ты хочешь ее выебать.

– Нет, я не хочу ее выебать. Я едва ли хотел ее ебать, когда был с ней. Я просто хочу объяснить.

– Мне это не нравится. По мне, так это... звучит... *сусально*.

– Дай мне так сделать. Пожалуйста. Я просто хочу все прояснить. Я скоро вернусь.

– Ладно. Только давай скорее.

Я сел в «фольксваген», срезал угол на Фонтан, проехал несколько миль, затем свернул на север в Бронсоне и пригнал туда, где высокая арендная плата. Оставил машину снаружи, вышел. Поднялся по длинной лестнице и позвонил. Дверь открыла Бьянка. Помню, как-то вечером она открыла дверь голой, я схватил ее, и, когда мы целовались, сверху спустилась Ди Ди и спросила:

– Что тут у вас такое?

На сей раз все было не так. Бьянка спросила:

– Тебе чего надо?

– Я хочу видеть Ди Ди. Хочу с ней поговорить.

– Она больна. Очень больна. Мне кажется, тебя не следует к ней пускать вообще после того, как ты с ней обошелся. Ты настоящий первостатейный подонок.

– Я просто хочу с нею поговорить, объяснить кое-что.

– Ладно. Она у себя в спальне.

Я прошел по коридору в спальню. Ди Ди лежала на постели в одних трусиках. Рукой она прикрывала глаза. Отличные груди. Рядом с кроватью стояла пустая пинта виски, на полу горшок. От горшка несло блевотиной и пойлом.

– Ди Ди...

Она приподняла руку.

– Что? Хэнк, ты вернулся?

– Нет, постой, я просто хочу с тобой поговорить...

– О, Хэнк, я так ужасно по тебе скучала. Я чуть с ума не сошла, больно было кошмарно...
– Я хочу, чтобы тебе стало легче. Вот и зашел. Может, я глупый, но я не верю в неприкрытую жестокость...

– Ты не знаешь, каково мне...

– Знаю. Я там бывал.

– Хочешь выпить? – Она показала на бутылку. Я взял пустую бутылку и печально поставил на место.

– В мире слишком много холода, – сказал я. – Если б только люди могли договариваться обо всем, было бы по-другому.

– Останься со мной, Хэнк. Не уходи к ней, пожалуйста. Прошу тебя. Я уже достаточно прожила, я знаю, как быть хорошей женщиной. Ты это сам понимаешь. Я буду хорошей, и с тобой, и для тебя.

– Лидия меня зацепила. Я не могу объяснить.

– Она вертихвостка. Она импульсивна. Она тебя бросит.

– Может, этим-то и берет.

– Ты хочешь шлюху. Ты боишься любви.

– Может, ты и права.

– Поцелуй меня, и все. Я ведь не слишком много прошу – чтобы ты меня поцеловал?

– Нет.

Я растянулся с нею рядом. Мы обнялись. Из рта у Ди Ди пахло рвотой. Она поцеловала меня, я поцеловал ее, и она прижала меня к себе. Я отстранился как можно нежнее.

– Хэнк, – сказала она. – Останься со мной! Не возвращайся к ней! *Смотри, у меня красивые ноги!*

Ди Ди подняла одну ногу и показала мне.

– И к тому же у меня хорошие лодыжки! Посмотри!

Она показала мне свои лодыжки. Я сидел на краю кровати.

– Я не могу с тобой остаться, Ди Ди...

Она резко села и принялась меня колотить. Кулаки у нее были твердыми, как камни. Она отоваривала меня обеими руками. Я просто сидел, а она отвешивала плюхи. Мне попадало в бровь, в глаз, в лоб, по скулам. Один я даже поймал кадыком.

– Ах ты сволочь! Сволочь, сволочь, сволочь! **НЕНАВИЖУ ТЕБЯ!**

Я схватил ее за запястья.

– Ладно, Ди Ди, хватит. – Она упала обратно на постель, а я встал и вышел вон, по коридору и наружу.

Когда я вернулся, Лидия сидела в кресле. Лицо ее было темно.

– Тебя долго не было. Посмотри мне в глаза. Ты *ебал* ее, правда?

– Нет, неправда.

– Тебя ужасно долго не было. Смотри, она поцарапала тебе лицо!

– Говорю тебе, ничего не произошло.

– Сними рубашку. Я хочу посмотреть на твою спину.

– Ох, кончай это говно, Лидия.

– Снимай рубашку и майку.

Я снял. Она зашла мне за спину.

– Что это за царапина у тебя на спине?

– Какая еще царапина?

– Вот здесь, длинная... женским ногтем.

– Если она там есть, значит, ты ее и провела...

– Хорошо. Я знаю, как можно проверить. – Как?

– Марш в постель.

– *Хорошо!*

Экзамен я выдержал, но после подумал: а как мужчине проверить женщину на верность?
Несправедливо, а?

21

Я все время получал письма от одной дамы, жившей где-то в миле от меня. Она подписывалась Николь. Она писала, что прочла несколько моих книг и они ей нравятся. Я ответил на одно письмо, и она откликнулась приглашением зайти. Однажды днем, ничего не сказав Лидии, я забрался в «фольк» и поехал. Квартира у Николь располагалась в аккурат над химчисткой на бульваре Санта-Моника. Дверь вела прямо с улицы, и сквозь стекло я разглядел лестницу наверх. Я позвонил.

– Кто там? – донесся из маленького жестяного динамика женский голос.

– Я Чинаски, – ответил я. Прозудел зуммер, и я толкнул дверь.

Николь стояла на верхней площадке и смотрела вниз на меня. Культурное, чуть ли не трагическое лицо, а одета в длинное зеленое домашнее платье с низким вырезом спереди. Тело на вид казалось очень хорошим. Она смотрела на меня большими темно-кариыми глазами. Вокруг них собралось много-много мелких морщинок: может, от чрезмерного питья или слез.

– Вы одна? – спросил я.

– Да, – улыбнулась она, – поднимайтесь сюда.

Я поднялся. Квартира была просторной, две спальни, очень немного мебели. Я заметил небольшой книжный шкаф и стойку с пластинками классики. Я сел на тахту. Она присела рядом.

– Я только что закончила, – сказала она, – читать «Жизнь Пикассо».⁸

На кофейном столике лежало несколько номеров «Ньюйоркера».

– Вам чаю приготовить? – спросила Николь.

– Я лучше схожу, возьму чего-нибудь выпить.

– Не обязательно. У меня кое-что есть.

– Что?

– Хорошее красное вино пойдет?

– Было б неплохо, – согласился я.

Николь встала и ушла в кухню. Я смотрел, как она движется. Мне всегда нравились женщины в длинных платьях. Двигалась она грациозно. Судя по всему, в ней много класса. Она вернулась с двумя бокалами и бутылкой вина и разлила. Предложила мне «Бенсон-энд-Хеджес». Я закурил.

– Вы читаете «Ньюйоркер»? – поинтересовалась она. – Они неплохие рассказы печатают.

– Не согласен.

– А что в них не так?

– Образованные слишком.

– А мне нравится.

– Да ну, говно, – сказал я. Мы сидели, пили и курили.

– Вам нравится моя квартира?

– Да, славная.

– Мне она отчасти напоминает квартиры, которые были у меня в Европе. Мне нравится пространство, свет.

– В Европе, а?

– Да, в Греции, в Италии... В Греции главным образом.

– Париж?

– О да, мне нравился Париж. Лондон – нет.

⁸ «Жизнь Пикассо» – книга английского историка искусства Джона Ричардсона.

Потом она рассказала о себе. Семья ее жила в Нью-Йорке. Отец был коммунистом, а мать – швейей в потогонной мастерской. Мать работала на передней машине, она была номер один, лучшей. Крутая и симпатичная. Николь училась сама по себе, выросла в Нью-Йорке, как-то повстречала известного врача, вышла замуж, прожила с ним десять лет, а затем развелась. Теперь она получала каких-то 400 долларов алиментов в месяц, а прожить на них трудновато. Квартира не по карману, однако слишком ей нравится, чтобы съезжать.

– Ваш стиль, – сказала она мне, – он такой грубый. Как кувалда, но в нем есть юмор и нежность...

– Ага, – сказал я.

Я поставил стакан и посмотрел на нее. Взял ее подбородок в ладонь и притянул к себе, дав ей малюсенький поцелуй.

Николь продолжала говорить. Она рассказывала довольно много интересных историй, некоторые я решил использовать сам – либо рассказами, либо стихами. Я наблюдал за ее движениями, когда она склонялась разливать. Как в кино, думал я, как, блядь, в каком-нибудь кино. Смешно даже. Такое ощущение, будто мы перед камерой. Мне нравилось. Лучше, чем ипподром, лучше, чем бокс. Мы всё пили. Николь откупорила новую бутылку. Рот у нее не закрылся. Ее легко было слушать. В каждой истории была мудрость, слышался смех. Николь производила на меня больше впечатления, чем понимала сама. Меня это слегка смущало.

Мы вышли на веранду с бокалами и стали смотреть на дневной поток машин. Она говорила о Хаксли и Лоуренсе в Италии. Какое говно. Я сказал ей, что Кнут Гамсун – величайший писатель на свете. Она взглянула на меня, изумившись, что я про него слышал, потом согласилась. Мы поцеловались на веранде, а мне в ноздри лезли выхлопные газы с улицы под нами. Ее тело хорошо ощущалось рядом с моим. Я знал, что сразу мы ебаться не будем, но знал и то, что еще вернусь сюда. Николь тоже это знала.

22

Сестра Лидии Анжела приехала в город из Юты посмотреть на новый дом Лидии. Та уже заплатила первый взнос за небольшой домик, и ежемесячные платежи теперь были маленькими. Очень выгодная покупка. Человек, продавший дом, считал, что умрет, и продал его слишком уж дешево. Там были верхняя спальня для детей и невероятно большой задний двор, полный деревьев и зарослей бамбука.

Анжела была самой старшей из сестер, самой разумной, с самым хорошим телом и самым здравым смыслом. Она торговала недвижимостью. Но возникла проблема, куда Анжелу поселить. У нас места не было. Лидия предложила у Марвина.

– У Марвина? – переспросил я.

– Да, у Марвина, – подтвердила Лидия.

– Ладно, поехали, – сказал я.

Мы все залезли в оранжевую Дрянь Лидии. «Дрянь». Так мы называли ее машину. Она походила на танк, очень старый и уродливый. Стоял поздний вечер. Марвину мы уже позвонили. Он сказал, что будет дома весь вечер.

Мы доехали до пляжа, и там, у самой воды, стоял его домик.

– Ох, – сказала Анжела, – какой славный дом.

– К тому же он богат, – заметила Лидия.

– И пишет хорошие стихи, – добавил я.

Мы вышли из машины. Марвин сидел дома, вместе со своими бассейнами соленой воды для рыбок и своими картинами. Маслом писал он недурно. Для богатенького отпрыска он выживал очень даже ничего, он прорвался. Я всех познакомил. Анжела походила вокруг, поглядела на полотна Марвина.

– О, очень мило. – Анжела тоже писала, только не слишком хорошо.

Я захватил пива, а в кармане куртки у меня была спрятана пинта вискача, из которой я время от времени отхлебывал. Марвин вытацил еще пива, и между ними с Анжелой завязался легкий флирт. Марвин, казалось, был не прочь, а Анжела, казалось, склонялась к тому, чтоб над ним посмеяться. Он ей нравился, но недостаточно, чтобы сразу с ним ебстись. Мы пили и болтали. У Марвина были бонги, пианино и трава. Хороший удобный дом. В таком доме я мог бы писать лучше, подумал я, – больше бы везло. Здесь слышно океан и нет соседей, которые станут жаловаться на стук машинки.

Я то и дело отхлебывал из бутылки. Мы просидели часа 2–3, потом уехали. Обрато Лидия поехала по скоростной трассе.

– Лидия, – сказал я, – ты с Марвином еблась, правда?

– О чем ты говоришь?

– О том разе, когда ты ездила к нему среди ночи, одна.

– Черт бы тебя побрал, я не желаю этого слушать!

– Ну точно, ты его выебла!

– Слушай, если ты не прекратишь, я за себя не ручаюсь!

– Ты его выебла.

Анжела испуганно смотрела на нас. Лидия съехала на обочину, остановила машину и толкнула дверцу с моей стороны.

– Вылезай! – скомандовала она.

Я вылез. Машина уехала. Я пошел по обочине. Вытацил пинту и хлебнул. Я шел так минут 5, когда рядом снова остановилась Дрянь. Лидия распахнула дверцу.

– Залезай. Я залез.

– Ни слова больше.

– Ты его ебла. Я знаю.

– О боже!

Лидия снова съехала на обочину и снова толчком распахнула дверцу.

– Вылезай!

Я вылез. Пошел по обочине. Добрел до съезда с трассы, который вел в пустынную улочку. Я спустился и пошел по ней. Было очень темно. Я заглядывал в окна некоторых домов. Очевидно, я попал в черный район. Впереди, на перекрестке, виднелись какие-то огни. Там стоял киоск с хот-догами. Я подошел ближе. За прилавком стоял черный мужик. Вокруг больше никого. Я заказал кофе.

– Проклятые бабы, – сказал я ему. – Разумом их не понять. Моя девчонка ссадила меня на трассе. Выпить хочешь?

– Конечно, – ответил тот.

Он хорошенько глотнул и передал обратно бутылку.

– У тебя телефон есть? – спросил я. – Я заплачу.

– Звонок местный?

– Да.

– Бесплатно.

Он вытащил из-под прилавка телефон и протянул мне. Я выпил и передал ему бутылку. Он взял.

Я позвонил в компанию «Желтый Кэб», дал им адрес. У моего друга было доброе и интеллигентное лицо. Иногда и посреди преисподней можно найти доброту. Мы так и передавали бутылку друг другу, пока я ждал такси. Когда такси пришло, я сел назад и дал таксисту адрес Николь.

23

После этого я вырубился. Наверное, потребил виски больше, чем думал. Я не помню, как приехал к Николь. Проснулся утром, повернутый спиной к кому-то в чужой кровати. Я посмотрел на стену у себя перед носом и увидел на ней большую декоративную букву. Буква гласила: «Н». «Н» означало «Николь». Мне было херово. Я сходил в ванную. Взял зубную щетку Николь, чуть не подавился. Умыл лицо, причесался, посрал и поссал, вымыл руки и выпил много воды из-под крана. Потом вернулся в постель. Николь встала, привела себя в порядок, вернулась. Легла ко мне лицом. Мы начали целоваться и гладить друг друга.

Я невинен по-своему, Лидия, подумал я. Я тебе верен по-своему.

Никакого орального секса. Желудок слишком расстроен. Я взгромоздился на бывшую жену знаменитого врача. На культурную путешественницу по разным странам. У нее в шкафу стояли сестры Бронте. Нам обоим нравилась Карсон Маккаллерс. «Сердце – одинокий охотник». Я всунул ей 3 или 4 раза особенно мерзкими рывками, и она охнула. Теперь она знала писателя не понаслышке. Не очень хорошо известного писателя, конечно, однако за квартиру платить я умудрялся, и это поражало. Настанет день, и Николь окажется в одной из моих книг. Я ебал культурную суку. Я чувствовал, как приближаюсь к оргазму. Я втолкнул язык ей в рот, поцеловал ее и кончил. Скатился с нее, чувствуя себя глупо. Немного ее подержал в объятиях, потом она ушла в ванную. В Греции, наверное, ебать ее было б лучше. Америка – дерьмовое место для ебли.

После этого я навещал Николь 2–3 раза в неделю, днем. Мы пили вино, разговаривали, а иногда занимались любовью. Я обнаружил, что меня она в особенности не интересует – просто нужно чем-то заняться. С Лидией мы помирились на следующий день. Она допрашивала меня, бывало, куда я хожу днем.

– Я был в супермаркете, – отвечал я, и то была правда. Сначала я действительно заходил в супермаркет.

– Я никогда не видела, чтобы ты проводил столько времени в супермаркете.

Однажды вечером я напился и проболтался Лидии, что знаю некую Николь. Я рассказал ей, где Николь живет, но успокоил, что «ничего особенного не происходит». С какой стати черт меня дернул, не вполне ясно, да только человек пьющий порою мыслит криво...

Однажды днем я выходил из винной лавки и только-только дошел до Николь. Я нес с собой две полдюжины пива в бутылках и пинту виски. Мы с Лидией накануне опять поцапались, и я решил провести ночь с Николь. Шел я себе, уже в легкой интоксикации, как вдруг услышал, как ко мне сзади кто-то подбегает. Я обернулся. Лидия.

– Ха! – сказала она. – Ха!

Она выхватила пакет с пойлом у меня из рук и стала доставать пивные бутылки. Она била их о мостовую одну за другой. Те крупно взрывались. Бульвар Санта-Моника – очень оживленная улица. Дневное движение только начиналось. Вся эта акция происходила прямо перед дверью Николь. Потом Лидия дошла до пинты виски. Она подняла ее в воздух и завопила на меня:

– Ха! Ты собирался это выпить, а потом ЕБАТЬ ее! – Она хрястнула бутылкой о цемент.

Дверь у Николь была открыта, и Лидия побежала вверх по лестнице. Николь стояла на верхней площадке. Лидия принялась лупцевать Николь своей большой сумочкой. Ремешки у сумочки были длинные, а размахивалась Лидия изо всех сил.

– Это *мой* мужчина! Он *мой* мужчина! Не лезь к моему мужчине!

Затем Лидия сбежала мимо меня вниз и выскочила на улицу.

– Боже милостивый, – сказала Николь. – Кто это?

– Это Лидия. Дай мне веник и большой бумажный пакет.

Я вышел на улицу и начал сметать битое стекло в мешок из коричневой бумаги. Эта сука на сей раз зашла слишком далеко, думал я. Схожу куплю еще пошла. Останусь на ночь с Николь – может, на пару ночей.

Я нагнулся, подбирая осколки, и тут услышал за спиной странный звук. Я обернулся. Лидия на своей Дряни. Она заехала на тротуар и теперь неслась прямо на меня со скоростью миль 30 в час. Я отскочил, машина пролетела мимо, в дюйме от меня. Доехала до конца квартала, неуклюже грохнулась с тротуара, прокатилась дальше по мостовой, на следующем углу свернула вправо и сгинула с глаз.

Я продолжал подметать стекло. Все подмел и убрал. Потом залез в свой первый кулек и нашел одну неповрежденную бутылку пива. Смотрелась она очень хорошо. Она мне в самом деле требовалась. Я уже совсем собрался открутить пробку, как из-за моей спины кто-то протянул руку и выхватил бутылку. Снова Лидия. Она подбежала к двери Николь и швырнула бутылку в стекло. Запустила ее с таким ускорением, что бутылка пролетела насквозь, как большая пуля, не разбив все стекло целиком, а оставив только круглую дыру.

Лидия сбежала вниз, а я поднялся по лестнице. Николь по-прежнему стояла на площадке.

– Ради бога, Чинаски, уезжай с нею, пока она всех тут не поубивала!

Я повернулся и вновь спустился на улицу. Лидия сидела в машине, мотор работал. Я открыл дверцу и сел. Она тронулась с места. Ни один из нас не произнес ни слова.

24

Я начал получать письма от девушки из Нью-Йорка. Ее звали Минди. Наткнулась на пару моих книжек, но лучше всего в ее письмах было то, что она редко упоминала в них о писательстве, разве только говорила, что сама она – не писатель. Она писала о разном в общем, а о мужчинах и сексе – в частности. Минди было 25, писала она от руки, почерком устойчивым и разумным, однако с юмором. Я отвечал ей и всегда радовался, находя ее письмо в ящике. У большинства людей гораздо лучше получается выговариваться в письмах, нежели в беседе, и некоторые умеют писать художественные, изобретательные письма, но стоит им попытаться сочинить стихотворение, рассказ или роман, и они становятся претенциозными.

Потом она прислала несколько фотографий. Если они не лгали, Минди была весьма хороша собой. Мы переписывались еще несколько недель, а потом она упомянула, что скоро у нее двухнедельный отпуск.

Почему бы вам не прилететь сюда? – предложил я.

Хорошо, ответила она.

Мы начали созваниваться. Наконец она сообщила дату своего прилета в международный аэропорт Лос-Анджелеса.

Буду там, сказал я ей, ничто меня не остановит.

25

Я хранил дату в уме. Сотворить раскол с Лидией – пара пустяков. Я по натуре одиночка, довольствуюсь просто тем, что живу с женщиной, ем с ней, сплю с ней, иду с ней по улице. Я не хотел никаких разговоров, никаких выходов куда-то, если не считать ипподрома или бокса. Я не понимал телевидения. Я чувствовал себя глупо, если приходилось платить деньги за то, чтобы ходить в кино и сидеть там, деля эмоции с другими людьми. От вечеринок меня тошнило. Я терпеть не мог играть в игры, тем паче – грязные, ненавидел флирт, любительскую пьянь, зануд. Но Лидию вечеринки, танцульки, мелкий треп заряжали энергией. Она считала себя сексапилькой. Но была слишком уж очевидной. Поэтому наши споры часто произрастали из моего желания никаких-людей-вообще против ее желания как-можно-больше-людей-как-можно-чаще.

За пару дней до прилета Минди я начал. Мы вместе лежали на постели.

– Лидия, да ради бога, ну почему ты такая дура? Неужели ты не понимаешь, что я одиночка? Затворник? Я таким и должен быть, чтобы писать.

– Как же ты вообще что-то узнаешь о людях, если с ними не встречаешься?

– Я уже все про них знаю.

– Даже когда мы выходим в ресторан, ты сидишь, опустив голову, ты ни на кого не *смотришь*.

– Не хочу, чтобы стошнило.

– Я *наблюдаю* за людьми, – сказала она. – Я их изучаю.

– Хрен там!

– Да ты боишься людей!

– Я их ненавижу.

– Как же ты можешь быть писателем? Ты не *наблюдаешь!*

– Ладно, я не смотрю на людей, но на квартплату зарабатываю письмом. Это покруче будет, чем баранов пасти.

– Тебя надолго не хватит. У тебя никогда ничего не выйдет. Ты все делаешь не так.

– Именно *поэтому* у меня все получается.

– *Получается?* Да кто, к чертовой матери, знает, кто ты такой? Ты знаменит, как *Мейлер?*

Как *Капоте?*

– Они писать не умеют.

– Зато *ты* умеешь! Только ты, Чинаски, умеешь писать!

– Да, я таков.

– Ты знаменит? Если бы ты приехал в Нью-Йорк, тебя бы кто-нибудь узнал?

– Послушай, мне на это наплевать. Я просто хочу писать себе дальше. Мне не нужны фанфары.

– Да ты ни за что от фанфар не откажешься.

– Наверное.

– Ты любишь строить из себя знаменитость.

– Я всегда себя так вел, еще даже не начав писать.

– Ты самый неизвестный знаменитый человек, какого я только видела.

– У меня просто нет амбиций.

– Есть, но ты ленив. Ты хочешь всего и на шару. Когда вообще ты пишешь? Когда тебе это удастся? Ты вечно или в постели валяешься, или пьяный, или на ипподроме.

– Не знаю. Это не важно.

– А что тогда важно?

– Тебе виднее, – сказал я.

– Ну, так я тебе скажу, что важно! – заявила Лидия. – У нас уже очень давно не было вечеринки. Я уже очень долго никаких людей не видела! Мне **НРАВЯТСЯ** люди! Мои сестры **ОБОЖАЮТ** вечеринки. Они ради вечеринки тыщу миль готовы проехать! Вот так нас вырастили в Юте! В вечеринках ничего зазорного нет. Просто люди **РАССЛАБЛЯЮТСЯ** и хорошо проводят время! Только у тебя в голове эта чокнутая идея засела. Ты думаешь, веселье непременно ведет к *ебле!*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.